Татьяна
Устинова
Ольга
Степнова
Всегда
говори
«Всегда» -2
Книга по рейтинговому телефильму

Татьяна Витальевна Устинова
Ольга Юрьевна Степнова

Всегда говори «всегда» – 2

Серия «Всегда говори «всегда»», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=625905
Всегда говори «всегда» – 2: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-49264-0

Аннотация

Закадычные подруги Ольга Громова и Надежда Кудряшева, пройдя огонь, воду и медные трубы, покорили Москву и обрели свое счастье. Ольга стала женой главы компании «Стройком» Сергея Барышева и родила ему сына Петьку. У Нади сумасшедший роман с Димой Грозовским, директором рекламного агентства «Солнечный ветер». Их свадьба, казалось бы, не за горами…

Но подруги забыли, что вокруг много злобных и завистливых людей, которым чужое счастье и удача не дают покоя. Чтобы добиться своей цели, они готовы на многое… Порой даже на убийство!

Если ты всегда помнишь о любви и дружбе, если ты всегда готов противостоять злу, ты непобедим! И счастье и удача всегда будут с тобой! Всегда говори «Всегда»!

Татьяна Устинова, Ольга Степнова
Всегда говори «всегда» – 2

И все-таки глаза у него были барышевские – глубокие, серые и насмешливые, совсем чуть-чуть, словно он знал немного больше, чем остальные, и это его веселило… Глаза барышевские, а губы Ольгины. Они еще в роддоме распределили эту похожесть.

…Сергей тогда первый раз зашел в палату с огромным букетом роз, в накинутом на плечи белом халате. Ольга сразу же передарила цветы медсестре – запах от них шел удушающий. Для медсестры это был пятый букет за утро от счастливых папаш, и они вместе посмеялись по этому поводу, а когда Ольга зашла в палату, Сергей стоял возле Петьки и… не дышал. Она поняла это по его напряженной позе, завороженному взгляду, по рукам, вцепившимся в бортик пластиковой прозрачной люльки. Халат, размера на три меньше барышевского, упал с его плеч на пол.

– На меня похож, – выдохнул Барышев, видимо, разрешив себе дышать только в присутствии Ольги, – глаза, нос, подбородок…

– А губы мои! – Она подняла халат, натянула его Сергею на плечи – ни одной морщинки, ткани не хватало на косую барышевскую сажень, – и прижалась к этой спине, родной, немного позабытой за несколько дней, проведенных в роддоме.

– Губы твои, – согласился Сергей и, не отрывая от сына глаз, притянул ее к себе и поцеловал как-то по-особенному, не так, как целовал до Петьки…

Ольга мельком взглянула на Барышева – он стоял, склонившись над детской кроваткой так, будто перед ним был не ребенок, а перспективный проект, в который он вложил все свои сбережения.

Ольга не выдержала серьезности его лица, рассмеялась громко, хотя смеяться было нельзя – Петька спал.

В комнату ворвались дети, заполнив собой все пространство. Они умели своим смехом и гвалтом не оставлять ни йоты тишины и покоя, умели подчинять себе всех вокруг – Ольгу, Сергея и даже Петьку. Она цыкнуть на них не успела – тише, Петька спит! – как Машка подскочила к кроватке и, тесня Барышева, сказала звонко:

– Чур, он мой будет.

Миша протиснулся между Сергеем и Ольгой, поддел плечом Машку и, двинув ее кулаком в бок, выкрикнул:

– Мой!

– Я первая сказала! – Маша требовательно затрясла Ольгину руку. – Мам, он чей, мой или Мишкин?

Петька открыл глаза, и Ольга замерла – сейчас заплачет, но Петька улыбнулся, будто знал что-то, чего не знали другие…

Зато Машкины глаза мгновенно наполнились слезами:

– Мам, пусть он мой будет, Мишка дерется…

– Дурочка ты моя любимая, – Ольга чмокнула дочь в затылок, ощутив родной запах ее волос. – Он и мой, и твой, и папин, и Мишкин. Он наш! Наш Петька! А ты не дерись, Миша.

– Привет! А вот и я!

Надежда стояла на пороге детской с лохматым букетом диковинных голубых хризантем и яркими коробками, предвещавшими праздник.

– Кто-нибудь заберет у меня все это? Руки отваливаются.

К Надежде кинулись все, кроме Сергея.

Ольга забрала у нее хризантемы, а дети вцепились в предвещавшие праздник коробки.

Петя, почувствовав, что от него отвлеклись, заплакал, и Барышев, бросив Надежде «здравствуйте», начал качать кроватку так, будто в ней была вода и он боялся расплескать хотя бы каплю.

Надежда по-хозяйски заглянула в кроватку, не обращая внимания на настороженный взгляд Сергея, – он вчера вычитал в Интернете, что новорожденных детей нельзя показывать никому, кроме родни.

– Батюшки! Красавец! – всплеснув руками, Надежда умильно заулыбалась. – Это что ж будет! Это ж смерть бабам! Ах ты маленький, ах ты, заинька… На вас похож, – бросив взгляд на Сергея, добавила она.

Барышев снова посмотрел на нее настороженно – подлизывается? Хочет укрепить свои позиции возле кроватки?

– Правда? – уточнил он на всякий случай.

– А как же! И нос ваш, и глазки… Только очков не хватает.

Ольга схватила Надежду за руку, чтобы увести наконец из детской и не напрягать ставшего в одночасье суеверным Сергея, но Маша перехватила инициативу и потянула Надю к себе за юбку.

– Нравится тебе твой новый братик? – обняла ее Надежда.

– Нравится, только он не мой, – насупилась Маша.

– Здрасьте пожалуйста! – изобразила неподдельный ужас Надежда. – А чей же он?

– Он общий.

– Он и мой, и мамин, и папин, и Машкин, – подтвердил Миша.

– А! – поняла Надежда. – Ну, тогда пусть он еще немножко и мой будет. Хорошо?

В серых глазах Сергея отчетливо пульсировало беспокойство – нельзя ребенка до месяца чужим людям показывать. И пусть это предрассудки, но взялись же они откуда-то, значит, были для этого причины, был накопленный многими поколениями опыт.

Ольга еще раз потянула Надежду за руку.

– Ну, пошли, пошли. Я кормить тебя буду!

– Кормить меня не надо, а вот от чая не откажусь…

Ольге удалось наконец вытянуть Надежду на кухню вместе с детьми, хризантемами и праздничными коробками. Напоследок она успела заметить серьезное Сережино лицо – он смотрел на Петьку, будто тот и не ребенок вовсе, а глобальный проект, в который он вложил всю свою жизнь.

– Сереж, ты чай будешь? – спросила она на всякий случай.

Барышев поднял на нее непонимающий взгляд – какой чай? Наконец до него дошло…

– Буду, чуть позже…

* * *

Надежда была человек-праздник. И женщина-катастрофа. Где бы она ни появлялась – всюду становилось больше света и… больше проблем.

Она умела нестандартно смотреть на вещи, умела брать быка за рога.

Ей было плевать на свои недостатки, а недостатки других она умела обратить в свою пользу.

Она считала себя хорошей подругой, незаменимым завхозом, отличной хозяйкой, но… Ее переполняла такая жажда материнства, что все другие качества казались сущей ерундой по сравнению с тем, какой чудесной, нежной и любящей матерью могла бы быть Надя. Только беременность все никак не случалась, хотя она мечтала о ней днем и ночью, утром

и вечером, дома и на работе, и даже во сне. Мечтала, но никому об этом не говорила, даже Ольге, хотя это было совсем не в ее характере – молчать о том, что терзает душу.

Когда? Ну, когда же и у нее появится сын или дочка – глаза Грозовского, и нос, и ум, и стать. А от нее пусть только характер и… цвет волос. Рыжие – все счастливые.

Она увидела Петьку, и сердце снова кольнуло. Нет, это была не зависть, а если и зависть, то совсем маленькая и светлая…

Это была надежда и нетерпение. Когда?..

Надя распаковывала подарки на диване в гостиной: Мишке вручила последнюю радиоуправляемую модель «Мазератти», Машке – фарфоровую куклу с ресницами-веерами, а Ольге – коробку с пирожными, невозможными, убийственными по красоте и калориям.

Как по волшебству в дверях возникла Нина Евгеньевна с подносом в руках, на котором золотыми ободками светился английский фарфор, а дымок над чайником разносил по комнате аромат свежезаваренного чая.

– Надь, а чего ты все Сереже выкаешь? – с улыбкой спросила Ольга.

– Не привыкла еще, стесняюсь, – серьезно объяснила та.

– Ты?! Стесняешься?!

Ольга расхохоталась так, что Надя даже слегка обиделась, хотя обижаться почти не умела. Что же она, застесняться не может могучего, сурового Барышева, у которого непонятно что на уме? Вон как недобро поблескивал на нее очками, когда она смотрела на Петю.

– Мы девушки скромные, воспитания строгого, – насупившись, сказала Надежда, садясь за стол, возле которого хлопотала Нина Евгеньевна.

Льняные салфетки уже были на месте, пирожные перекочевали на блюдо, а на золотистых ободках чашек весело играли солнечные блики.

– Скажите пожалуйста! – Ольга продолжала хохотать так, что слезы выступили из глаз, но, заметив, что дети пытаются улизнуть из комнаты, закричала: – Миша! Маша! Бессовестные! А спасибо сказать?

– Да оставь ты их в покое, – махнув рукой, перебила ее Надя, выбирая самое распрекрасное пирожное в кремовых розах и миндальной стружке, щедро посыпанное шоколадной крошкой. – М-ммм! Сказки Венского леса!..

Ольга села за стол, взяла чайник, но няня требовательно перехватила его и сама разлила чай – сноровисто, не расплескав ни капли, точно наполнив чашки до золотого ободка.

– Спасибо, Нина Евгеньевна, только зачем, я бы сама…

– Велик труд, Ольга Михайловна. Пейте на здоровье. Вот тут сливочки, сахар. Пейте. – Няня выскользнула из комнаты бесшумно и незаметно, будто кто-то невидимый сменил декорацию.

Нина Евгеньевна умела появляться и исчезать в самые нужные моменты. Ольге иногда казалось, что именно няня – негласный режиссер ее быта, и она была ей благодарна за это, потому что иначе хаос заполнил бы все ее жизненное пространство.

Ольга тоже взяла пирожное – поскромнее, без роз и миндаля, с клубничкой на белоснежном безе. Откусила кусочек и улыбнулась, словно смущаясь, что рушит такую красоту – алая ягода в белом сугробе.

На губах у Ольги осталось безе, а Надежде подумалось вдруг, что когда она будет кормить грудью своего сына, то исключит из рациона клубнику. Безе тем более. А вдруг диатез? Надо бы ей сказать… Нет, потом. А то сама притащила пирожные и тут же есть запретит? Нужно издалека начать…

– Значит, так. Как покормишь Петьку, надо, чтобы он отрыгнул. Ты его к себе вертикально прижми и по спинке поглаживай… А то они воздух заглатывают, когда сосут.

– Ты меня еще рисовать поучи, – снова захохотала Ольга.

– И поучу! На ночь пеленай. Туго. А то они руками машут и сами себя будят. Сейчас мода пошла детей с рожденья в костюмы рядить и не пеленать. А они плохо спят от этого. Нервная система страдает. И погремушки близко к носу не вешай – окосеет. И это… сладкого бы поменьше, а то диатез и всякое такое…

Ольга уставилась на Надежду во все глаза, даже пирожное отложила.

– Надька, ты ненормальная?! Что ты меня учишь? Петька же у меня не первый ребенок. Даже не второй. Он у меня третий!

Но Надежда уже не могла остановиться. Ее любимым занятием было учить всех и всему, особенно если это касалось быта, финансов, дизайна, психологии, кулинарии и, как выяснилось, ухода за детьми. Да и результат был налицо – пирожное-то Ольга отложила!

– Да хоть бы и десятый! – затараторила она. – Умного человека всегда послушать невредно. Я их, этих деток, в общаге знаешь сколько вынянчила?! Вот памперсы, к примеру. Все с ума посходили с этими памперсами, а только дети после них до школы в штаны писаются. Попки, видишь ли, сухие! Так ты пеленки-то чаще меняй, вот попки и будут сухие и чистые…

Они прыснули вместе, как всегда прыскали, когда было невыносимо смешно, прыснули, словно были в сговоре и долго репетировали синхронность этого действия.

Когда слезы смеха прошли, они вдруг заметили, что посреди гостиной стоит Сергей и внимательно на них смотрит.

Надежда смутилась. Вот чего он так смотрит, будто они тут не пирожные едят, а… контрольную списывают?

– У вас тут весело, я смотрю, – сказал Барышев тоном, каким наверняка вел совещания.

– Представляешь, Сереж, Надя учит меня за детьми ухаживать. У нее, оказывается, богатый опыт. – Ольгу не смутила серьезность Барышева, она встала и потрясла его за руку, словно ребенок, требующий внимания.

– Разве у Нади есть дети? – сверкнул очками он.

Интересно, если рвануть хлопушку у него перед носом, он улыбнется или начнет выговаривать тоном, каким ведет совещания?

– Будут, – уверенно ответила Надя и встала. – Ну все, мне пора. Димка ждет, мы в городе встретиться договорились. Он сегодня целый день по всяким конторам мотался. Злой, наверное, и голодный. Мы же в новый офис переехали, и ремонт прямо при нас заканчивают. Мороки с этим ремонтом! Ужас! Все, побежала!

Она видела, что Ольге не хотелось отрываться от Сергея, разъединять руки, поэтому быстро добавила:

– Не надо меня провожать, сама дорогу найду.

У дверей повернулась и, посмотрев Сергею в глаза, добавила:

– И уши у него тоже ваши.

Сергей все-таки улыбнулся – сдержанно, но очень трогательно, как человек, который не хочет демонстрировать свои чувства. Или боится?

В общем, хороший мужик этот Барышев, когда не лепит из себя большого начальника. Надо бы и правда перейти с ним на «ты». Может, тогда он перестанет сердито сверкать очками и начнет улыбаться?

Сергей обнял Ольгу, проводил глазами Надежду и неожиданно поймал себя на том, что очень счастлив, оставшись с женой наедине.

Насколько хватит этого счастья?

Хотелось бы навсегда.

Ольга потерлась щекой о его плечо, он сильнее прижал ее к себе.

Хотелось бы больше, чем навсегда…

– Оль, а когда с ним можно будет о чем-нибудь поговорить?

Вопрос был дурацкий, но он интересовал его больше, чем смета на строительство нового дома.

– С кем? – вскинула Ольга смеющиеся глаза.

– С Петькой.

Она прижалась к нему, засмеялась, а он так и не понял – когда? Через неделю, две, год, или этим смехом она хотела сказать, что он идиот и разговаривать с ребенком нужно было уже давно…

* * *

Грозовский злился, злился и злился. Злился оттого, что шел мелкий противный дождь, злился, что в агентстве бардак, ремонт и запах известки, от которого першит в горле. Но больше всего он злился, что Надежда опаздывает на…

Он посмотрел на часы – на сорок три минуты и тридцать секунд. Секундная стрелка пульсировала, отсчитывая время дальше, и это злило его еще больше.

Он включил «дворники», чтобы разогнать мелкие брызги на лобовом стекле, схватил мобильник, позвонил снова…

«Абонент временно недоступен», – в тысячный раз сообщили ему, и он еле сдержался, чтобы не высказать этому электронному голосу все про погоду, и про противный дождь, и про бардак в агентстве, и про Надежду, которая безответственная, безалаберная, без…

Эпитеты кончились. И именно в этот момент дверь с пассажирской стороны распахнулась, и она ворвалась в машину, как ураган Катрина в Новый Орлеан.

– Ты на часы смотрела?! – заорал Дима, срываясь на позорный фальцет.

– Димочка, Димочка, у меня же батарейки сели в часах еще неделю назад, а купить я все забываю.

– А телефон… – Грозовский закашлялся от напора раздиравшего его раздражения. – Что с телефоном?!

Надя достала из сумки мобильный, понажимала кнопки и невозмутимо сообщила:

– Сел.

– Я… я тут как дурак… а ты… – Он попытался высказать ей все, что накипело за время этого раздражающего ожидания, но… Она обвила его шею руками и, пробормотав то ли «Димочка, прости», то ли «Я дурочка, прости», прильнула к нему всем телом, будто не было между ними неудобной ручки переключения передач, и заставила его замолчать поцелуем, у которого был непередаваемый вкус дождя, пирожных, миндаля… и Надькиных губ, таких родных, неповторимых и наглых.

Злость развеялась, как и туча, из которой моросил дождь.

Если бы он не прождал ее эти сорок четыре минуты и пятьдесят две секунды, может, не было бы этого поцелуя?

– Надь, поехали тебе сотовый новый купим. И часы…

– Нет, лучше вазу, розовую, с орнаментом…

– Я с тобой по орнаменту буду связываться?

– Димочка, ты купи, а там видно будет…

* * *

Утром Маша попросила Барышева поколотить «одного этого, который все время пихается», и когда Сергей уже почти согласился, видимо, от восторга пролила на него свой йогурт.

Галстук безнадежно промок, покрылся розовыми разводами, и, пока Ольга носилась между плачущим Петькой, плитой и Машей, потерявшей портфель, Барышев сам искоренил катастрофу, а вернее, усугубил ее…

Когда он уже выходил из дома, Ольга заметила, что на шее у Сергея красуется Эйфелева башня – дизайнерское безумие, купленное за шестьсот евро в бутике «Ги Ларош» на Елисейских Полях.

– Сережа! Что это? – ужаснулась она.

– Да понимаешь… Куда-то все галстуки подевались, а этот сверху лежал, – пробормотал Сергей. В глазах у него промелькнуло беспокойство – не дай бог искать новый галстук, не дай бог опоздать.

– Это же не галстук, а путеводитель какой-то!

Ольга метнулась было к спальне, но Сергей перехватил ее и поцеловал в щеку.

– Некогда, некогда, Оль… Опаздываю!

И ушел с Эйфелевой башней на шее. «Хорошо, что не с Пизанской», – почему-то подумала Ольга.

Петя заорал снова, Машка опять потеряла многострадальный портфель, а Миша надел два разных ботинка. Пришлось одновременно успокаивать Петю, искать дочкин портфель и переобувать сына…

Когда дети уселись в машину и Володя повез их в школу, Ольга наконец перевела дух и налила себе чаю…

Петька снова заплакал, и про чай пришлось забыть. К тому же выяснилось, что Миша оставил дома свой ранец, и Ольга позвонила Володе, чтобы он вернулся…

От всей этой кутерьмы она почувствовала головокружение, которое усилилось после того, как в спальне она обнаружила барышевский мобильный, разрывающийся от звонков, а значит, он забрал ее телефон…

* * *

– Зачем вы все это приволокли? – в третий раз спросил Грозовский, кивнув на макеты с препарированной стерлядью. У него опять появилось настойчивое желание шандарахнуть по столу кулаком так, чтобы стекла оконные зазвенели, а может, даже и вылетели к чертовой матери. – Я это уже десять раз видел! Меня не интересует ваш мыслительный процесс! Мне! Нужен! Результат! – Дима все-таки стукнул по столу, но не кулаком, а ладонью – интеллигентно, но требовательно. – Результат! – повторил он.

– Но я уже задолбался предлагать! – Субтильному Тимуру, очевидно, хотелось боксировать воздух, а может, и Грозовского. Он покраснел, выпучил глаза и вибрировал от возмущения. – Ничего им не нравится! Ни рыбки, ни сейнеры, ни траулеры… Ну ничего решительно! Да они сами не знают, чего хотят!

– Знать должен ты, понятно! – заорал Грозовский. – Не заказчик, а ты! Иначе на кой хрен вообще рекламное дело существует?! На кой хрен вы мне все нужны?!

– Я… мы… – Тимур подавился тирадой, как слишком горячим чаем, подышал открытым ртом и с трудом выговорил: – Мы с Дарьей прорабатывали тему и хотели…

Дарья сидела в углу в глубоком кожаном кресле и с невозмутимым спокойствием наблюдала за этой корридой.

Тимур в роли тореадора никуда не годился – слишком нервничал, суетился, мельчил и неправильно отвечал на «удары».

Показать им, что ли, класс?!

Встать, потянуться, показав соблазнительные изгибы тела, и сказать, что заказчик вовсе не собирается полностью оплачивать этот заказ, он просто собирает на халяву идеи, чтобы потом их использовать. Поэтому ему ничего и не нравится.

Можно, конечно, все это сказать, но лень.

Она так хорошо устроилась в мягком кресле, и так продуманно-небрежна была ее поза – легкие руки на подлокотниках, изящный наклон головы, скрещенные колени в рассеянном свете из незашторенного окна…

Грозовский эстет. Он даже в гневе заметит ее изысканную отстраненность, поэтому лучше уж она побудет зрительницей – невозмутимой и беспристрастной, что бы ни творилось на сцене.

– Что вы хотели?! Что вы прорабатывали?! – потеряв над собой контроль, завопил Дима и вскочил, и даже в негодовании пробежался от стола к двери и обратно. – Время идет, заказ стоит, деньги тают!!! Хотели они!!!

Тимур открыл рот, закрыл, покраснел еще больше и наконец проорал:

– Мы работаем!

Он рухнул на стул, но сразу же вскочил, показывая готовность дать новый отпор праведному гневу начальника.

Грозовский в ярости зашел на второй круг – от стола к двери – и, очевидно, приготовил еще один убийственный аргумент типа «уволю к чертовой матери» или «убью», но в этот момент накала страстей и кульминации дверь распахнулась и…

У Дарьи дух захватило от предвкушения. Это вам не банальное «К нам едет ревизор».

На сцену вывалилась Надежда со стремянкой и строительной рулеткой, которую она держала в зубах, потому что руки были заняты. В жуткой вязаной кофте цвета болотной ряски и в юбке, подол которой почти бороздил пол…

Словно не замечая присутствующих, Надя прошла к окну, разложила стремянку, взобралась на нее и ловко измерила высоту и ширину оконного проема, выставив на обозрение крепкие щиколотки.

Навязчивый аромат сладких духов заполнил все пространство.

Грозовский смотрел на Надежду, как на снаряд Второй мировой войны, случайно закатившийся в его кабинет, – взорвется, не взорвется? Саперов вызывать или самому обезвредить?

Ему очень шло злиться – тонкие черты обострялись, делая лицо еще более аристократичным, а темные глаза пульсировали бешенством, оттеняя белизну кожи.

Надя слезла со стремянки и поймала наконец его взгляд – самому обезвредить или саперов позвать?..

– Димочка, я занавески новые заказываю, – ласково пропела она, – только не могу выбрать, вдоль окна которые висят или поперек…

– Ты с ума сошла? Ты не видишь, я занят? – сглотнув, прошептал Дима. – Какие занавески, я спрашиваю?!! – Он шандарахнул по столу кулаком так, что оконные стекла жалобно зазвенели.

– Так вот я как раз и не знаю, какие. Это же я тебя спрашиваю…

Предвкушение не оправдалось.

Грозовский, вместо того чтобы лопнуть, взорваться, в клочки порвать кофточку цвета болотной ряски, вырвать клок рыжих волос и дать Кудряшовой если не пинок, то тычок в спину в сторону двери…

Он усмехнулся, подошел к столу, сел и совершенно спокойно сказал:

– Идите, работайте.

Надежда вышла первой, унося с собой сладкий аромат и стремянку. За ней вышел Тимур, так и не получив контрольного выстрела «уволю», и только потом встала Дарья.

Она выходила медленно, чтобы Дима оценил изящество ее фигуры, плавность походки, прохладу духов и тонкость натуры.

Оценил и сравнил.

* * *

Грозовский успокоился быстро и даже удивился – чего так взбесился? Будто первый раз они с Тимуром насмерть бьются за единственно правильное решение! Он требует, орет, обвиняет их в бездарности, Тимур кричит, что заказчик дурак, а потом приносит вполне гениальный макет, который устраивает и заказчика, и агентство, и… любой самый требовательный и взыскательный вкус.

Эх, жалко, Ольга в декрете. Она умела решать такие вопросы тоньше, мягче, интеллигентнее и умнее. Без криков и танцев с саблями.

– Вовремя она со своими занавесками сунулась, – услышал он приглушенный голос Тимура из-за двери. – Как говорится, Бог послал.

– Я так понимаю, она жалюзи имела в виду, – насмешливо ответила Дарья.

Прикурив сигарету, Дима глубоко затянулся. В новом офисе во время ремонта акустика была как в древнеримском амфитеатре – у входа шепнешь, на всех этажах слышно…

– Что она имела в виду, совершенно не имеет значения. Главное, Кудряшова спасла нас с тобой от неминуемой смерти. Хотя бы за это мы должны простить ей отсутствие образования. – Тимур засмеялся, и Дарья, подхватив его смех, ответила:

– Ты к ней несправедлив! Три класса начальной школы Надя точно окончила. Она читать умеет.

– И писать! Я сам видел.

– Слушай, она, наверное, и таблицу умножения знает!

В коридоре что-то загрохотало, послышался мат рабочих и вскрик Дарьи.

– Конца этому нет! Надоело!

– Зато на Грозовского действует как хороший транквилизатор.

– Ремонт?

– Кудряшова.

У Димы появилось паршивое чувство, что он подслушивает. Он встал и отошел подальше к окну.

Придурки. Завидуют Наде – без году неделя работает в «Солнечном ветре», а чувствует себя хозяйкой, может без стука входить в разгар совещания со стремянкой и измерять окна.

…Дашка, наверное, считает его дураком и предателем. Грозовский – эстет, аристократ и плейбой – поддался чарам рыжей простушки с говором и манерами фабричной девчонки. А он не поддался, он – влюбился! Просто однажды почувствовал, что ему душно без этих манер и этого говора, потому что все вокруг слишком правильное, изысканное и от этого скучное до зубной боли.

Он не смог устоять перед Надей, как в детстве не мог устоять перед дикими яблоками, только что сорванными с ветки. И хотя бабушка кричала: «Микробы! Дизентерия!» – он

ел тайком эти яблоки. Как можно объяснить, что они самые вкусные – с ветки, с легкой горчинкой, хрустящие и немного вяжущие.

Дичка, вот как их весьма пренебрежительно называла бабушка.

Если бы она знала, что крышу Димке сорвет именно из-за такой дички, и захочется вечерами бежать домой, и подчиняться каким-то глупым житейским размеренным правилам, пить чай с пирогами, вместе смотреть телевизор – не боевики или гонки, а, стыдно признаться, сериалы, – а потом, ночью, утопать в зарослях страсти и немного злиться, когда у нее болит голова, и скучать, когда она долго красится или торчит в ванной… В общем, все это оказалось неожиданно здорово и даже захватывающе, как полет на американских горках, только круче, потому что непредсказуемо.

Вот кто еще в «Солнечном ветре» рискнет взять в зубы рулетку и без стука войти к начальнику? Дима улыбнулся, вспомнив, как Надя замеряла окно, наплевав на его зашкаливавший гнев, на высокомерные взгляды Дарьи и усмехавшегося Тимура.

С Надькой никогда не бывает скучно. Она всегда – вот как сегодня – может нарушить обыденное течение жизни вторжением со стремянкой, и в этом и есть высший класс!

Дашке этого не понять.

Для этого надо быть мужиком – эстетом, аристократом и плейбоем.

– Постоянный прием транквилизаторов вреден для здоровья, – донесся до него голос Дарьи.

«Это тебе вреден», – весело подумал Дима и с нежностью вспомнил стремянку, рыжий отблеск волос, крепкие щиколотки и сладкий, родной аромат…

«Нет, без Ольги в этом серпентарии не обойтись», – твердо решил он и, затушив сигарету, набрал номер ее домашнего телефона.

– Оль, ты должна приехать и помочь с этой рыбой.

– Какой еще рыбой? – удивилась она под звуки детского визга.

– Ну с рыбой… Мы зашли в тупик с рыбными консервами! – пытаясь перекричать шум в коридоре, пояснил Грозовский.

– Что-то я про эти консервы уже второй месяц слышу… Кто этим рыбным хозяйством занимается? Эй, куда?!

– Что куда? – не понял Грозовский.

– Кто за вас портфели убирать будет? Сейчас, Дим, погоди… – У нее опять ни секундочки нет времени на дела и проблемы агентства, на него самого. Он в прямом эфире прослушал все, чем на данный момент жила Ольга.

– А ну-ка в ванную! – кричала она.

– Я есть хочу, я голодная! – завопил в ответ голос Машки.

– Положи банан! Суп надо есть! Дим, – это уже ему? – У меня голова сейчас не тем занята. Дети…

– А когда она у тебя чем-нибудь другим бывает занята? Это твое штатное рабочее состояние, – проворчал Дима. – Приезжай. Хорошо бы сегодня.

– Сегодня никак. Завтра.

– Завтра воскресенье…

– Ну, значит, послезавтра! Честное слово! Обязательно!

– Оля, у нас совсем мало времени! – Он так и не понял, услышала она или нет, потому что на том конце послышались грохот, детский плач и причитания Ольги, не относящиеся к консервам.

– Оль, приезжай сегодня, – жалобно попросил Дима. – До понедельника мы тут без тебя друг друга порвем…

– Машка, неси зеленку! – закричала Ольга, и это опять не имело к делам Грозовского никакого отношения.

– Приезжай, – на всякий случай еще раз попросил он и повесил трубку.

* * *

Совещание с самого начала зашло в тупик. Замы, судя по отрешенным лицам, ничего не понимали, а он не мог объяснить.

– Это более чем интересное предложение, – повысил Барышев голос, – но в результате проведенного нами предварительного анализа возникло несколько вопросов…

Видимо, эти вопросы замов не очень-то волновали, потому что они с интересом рассматривали его галстук.

Сергей одним движением сорвал с шеи Эйфелеву башню и сунул в карман.

– Думаю, так атмосфера нашего совещания будет менее официальной, – улыбнулся он.

Замы тоже заулыбались, давая понять, что готовы для восприятия деловой информации.

Барышев набрал в легкие воздух, но зазвонил телефон.

– Прошу прощения, – пробормотал он и обнаружил, что впопыхах не только нацепил Эйфелеву башню, но и прихватил Ольгин мобильный вместо своего. С дисплея улыбался Миша, и не ответить было нельзя – хоть потоп, хоть совещание.

Мишка весело затараторил в трубке, Барышев выслушал условие нерешаемой задачки, почесал затылок и вполголоса посоветовал:

– А ты перемножь. Да не коров с овцами, а коров с коровами.

Замы с веселым любопытством уставились на Сергея. А Иван Гаврилович даже подмигнул Петру Ильичу – мол, чудит начальник сегодня.

– Ну? И что получилось? – Барышев прошелся по кабинету, напрочь забыв и про замов, и про совещание. – Тридцать две с половиной коровы? Давай еще раз. Нет, ты овец пока не трогай…

Сергей подошел к столу, взял ручку и, не отрывая телефона от уха, начал записывать условие задачки прямо на предварительном анализе выгодного предложения.

– Так… Икс – это коровы, игрек – овцы. Как икс-игрек не проходили?

Он вернулся в действительность, окинул взглядом повеселевших замов и строго спросил:

– Кто-нибудь умеет решать задачи для третьего класса?

Замы переглянулись и синхронно потянули руки к «предварительному анализу» с иксом и игреком.

– Если взять коров как число с обратным знаком, – задумчиво начал Петр Ильич, – то…

– Да не проходят в третьем классе еще коров! – перебил Иван Гаврилович. – Тьфу, отрицательных чисел! Тут проще надо… Без иксов, игреков и уравнений.

Все склонились над столом, едва не бодаясь лбами, пытаясь помножить коров на коров…

Задачка третьего класса не поддавалась решению без иксов и отрицательных чисел, а Мишка поторапливал на том конце провода:

– Пап, ну быстрее, мне еще Ваньке надо списать дать!

– Быстрее, – строго поторопил Барышев замов, и Петр Ильич в отчаянии начал рисовать на документах коров.

…И только Песков не принимал участия в мозговом штурме – отошел к окну и закурил. Сергей стоял спиной и не видел его цепкого взгляда, в котором, словно счетчик, щелкали мысли.

Рискнуть – не рискнуть?

Клюнет – не клюнет?

Поймет – не поймет?

Вон как самозабвенно дурацкие задачки решает – может, сейчас и есть тот момент, когда он безоглядно и не задумываясь согласится на очень выгодную сделку? Не уточнит и поверит на слово…

Не уточнит – это вряд ли, конечно. Но рискнуть стоит.

Слишком многое стоит на карте.

* * *

Погода словно ловила ее настроение – сначала солнце закрыли легкие облака, потом наползли тучи и поднялся ветер, а когда Дарья совсем вышла из себя от утомительного ожидания, прогремел первый гром.

Она затушила окурок в пепельнице – прижала его так, что обожгла пальцы – и закурила новую сигарету.

«Дождусь, – зло подумала Дарья. – Все равно дождусь и выскажу ему все, что думаю».

Что она, девочка, которая в слезах убегает со свидания, когда кавалер вовремя не является?

Да она его и в хвост, и в гриву, а он пусть объясняется и принимает условия их романа.

Он обязан и должен. Она – если сочтет нужным…

Вот такие условия – кто не спрятался, она не виновата.

Дарья глубоко затянулась и невольно усмехнулась своим мыслям – к Борису «обязан и должен» никак не клеилось, но она его все равно построит!

Она будет не она, если через месяц этот красавчик на цырлах перед ней не начнет бегать и не забудет свой гонор, свой возраст – на пять лет моложе ее – и свою притягательность для других женщин.

Она займет все его жизненное пространство. Вытеснит маму, папу, одноклассников, друзей, ночные гонки, клубы, тяжелый рок, пиво и этот… страйкбол, будь он неладен.

Зачем?

Просто так. От скуки.

Надо же чем-то заняться, пока Грозовский увлечен «провинциальной страницей» своей жизни.

Она подождет, а пока от нечего делать подрессирует Бориса.

…Они познакомились месяц назад в ночном клубе, нашли друг друга по запаху дорогого парфюма, по брендам аксессуаров, по маркам спортивных машин и пресыщенным взглядам.

Секс был так себе, гостиничный номер ниже среднего, а завтрак в постель и того хуже… Но она не отпустила его. Он нужен был ей как красивая вывеска ее женской состоятельности…

В последние дни Борис вдруг от рук отбился, почти не звонил, не страдал, не называл ее солнцем, а это свидание назначил как будто бы впопыхах и между прочим.

Ну, ничего, она ему мозги промоет…

Дарья опять затушила сигарету, опять обожгла пальцы и отхлебнула остывший уже кофе.

Гром за окном прогремел, совпав с новой вспышкой злости и раздражения. Дождь замолотил по стеклу, смазав вид из окна и не давая рассмотреть прохожих.

А вдруг он не придет?

Вдруг и он увлекся рыжей, тупой, безвкусно одетой девчонкой из ближнего Подмосковья?

Вдруг сейчас в моде такие девчонки?

Кофе показался горьким, несмотря на три ложки сахара и слащавую улыбку официанта, вот уже почти час бросавшего на Дашу вожделенные взгляды.

Официанту лет восемнадцать.

Можно было бы записать себе это в плюс, если б не его дурацкий пробор, дешевые ботинки и должность.

Подай, принеси, извольте откушать…

Борис возник неожиданно, словно соткался из воздуха, и на нем не было ни капли дождя, как будто он не с улицы зашел, а сидел все это время в кафе.

Впрочем, за окном уже жарило солнце.

– Привет! – Он чмокнул ее в щеку слишком небрежно, чтобы принять это за извинения.

– Не очень-то ты торопился, – сквозь зубы процедила Дарья.

– Разве я опоздал? Ну, прости, – Борис плюхнулся напротив нее на стул, достал из ее пачки сигарету и закурил.

– Очень мило! Торчу тут как идиотка, на меня все пялятся…

Он затянулся, прикрыв от наслаждения глаза, и, не глядя на нее, сказал равнодушно:

– Конечно, пялятся. Разве можно на тебя не обращать внимания, солнце?

– Прекрати! – Она бы выплеснула ему в лицо кофе, но он и его забрал.

– Молчу! – откликнулся Борис с неуместной иронией. Он и не думал извиняться. Он даже оправдываться не собирался. Откуда ему было знать, что через месяц он должен прыгать в горящий обруч по первому удару ее хлыста?

– Знаешь что? Мне надоело…

– Дашка, не грузи.

– Надоело!

– Хочешь ссориться? Давай.

– Нет. Я просто хочу предупредить тебя кое о чем.

– О чем же?

Он даже не посмотрел на нее, так и продолжал курить, полузакрыв глаза.

– Если ты будешь вести себя как свинья, если ты будешь заставлять меня неделями до тебя дозваниваться, если будешь делать из меня посмешище, если ты еще раз посмеешь опоздать…

Она говорила медленно, жестко и высокомерно, но он перебил ее, наплевав на ее угрожающий тон:

– Звучит впечатляюще, правда, несколько однообразно. Если, если… Ну, а что будет, если?..

– Тогда между нами все кончено.

– О’кей! Договорились.

Он встал, бросил на стол мятую пятисотку и вышел, прихватив из ее пачки еще одну сигарету.

Дарья не поняла, что произошло, и даже обернулась, посмотрела ему в спину – не шутка ли?

Но дверь за ним громко захлопнулась, словно пощечина, Дарья и вздрогнула, как от пощечины, и мельком взглянула на официанта – свидетеля ее унижения и позора.

Он сам подкатился – проборчик, дешевые ботинки и должность «кушать подано»…

– Еще кофе?

– Водки. И жалобную книгу.

– Зачем?! – пролепетал он.

Хоть этот испугался – вон ладони вспотели так, что украдкой вытирает их о штаны.

– Жалобную книгу – зачем?

– Я запишу туда свой телефон, болван!

Как же она их всех ненавидит!

* * *

Нужно было обязательно успеть к ужину, поэтому Барышев проскочил перекресток на мигающий зеленый, перестроился в левый ряд, да так, что заехал за двойную сплошную, и погнал, обходя поток.

Встречные машины не выказывали недовольства – слишком уверенно шел холеный «мерс», захватив двадцать сантиметров встречки.

Семейный ужин был важнее дорожных правил, сорванных переговоров с подрядчиком, тем более что Ольга попросила купить корицу для пирога, а он про эту корицу забыл и потом метался по магазину, вспоминая, как «это» для пирога называется.

Дозвониться до Ольги не получалось, было беспробудно занято. Сергей только потом вспомнил, что звонит ей с ее же телефона.

В общем, в супермаркете он захватил в заложницы какую-то бабульку и десять минут пытал ее – что может быть такое для пирога на букву «ц»? Методом проб и ошибок они вычислили корицу, и теперь она лежала у него в кармане вместе с Эйфелевой башней и «предварительным анализом», на котором было записано несколько вариантов решения Мишкиной задачки.

Барышев безнадежно опаздывал, поэтому он прихватил еще несколько сантиметров встречной полосы и проскочил на красный…

Телефон требовательно завибрировал, он бросил взгляд на дисплей – Песков.

Наверное, Ольга дала номер своего телефона его первому заму.

Сергей подумал – может, не отвечать? Телефон все-таки Ольгин, можно прикинуться, что не услышал, да и встречка!..

Он, конечно, ответил, прижав плечом трубку к уху – гарнитура где-то валялась, и недосуг было ее искать.

– Да, Игорь.

– Слушай, Сергей, извини, что беспокою, но я только что был в мэрии, – пробасил Песков.

«Был в мэрии» означало нечто важное, но что именно, Барышев не мог понять, маневрируя на перекрестке.

– И что? – чтобы не попасть впросак, уточнил он.

– Новость номер один! За МКАД планируется строительство торгового центра. Гипермаркета! С огромной территорией и многопрофильными павильонами. С планируемыми сроками работ не менее трех лет. Это же нас интересует?

Сергей резко затормозил, едва не поймав удар в задний бампер от раздолбанной «Нивы». «Нива» скандально ругнулась хриплым гудком клаксона и неуклюже объехала барышевский «Мерседес», едва не поцарапав его бортом.

Интересует ли его гипермаркет? Больше, чем когда-либо! Такой заказ сейчас бы не помешал.

– Тендер уже объявлен? – осторожно спросил Барышев.

– Объявлен, но из серьезных конкурентов только «Авгур». Но это же семечки, мы легко их обойдем. «Авгур» мелковат для такой игры.

– Это уже мания величия, – засмеялся Сергей. – Излишний оптимизм не на пользу делу, так что не расслабляйся. Срочно займись заявкой.

В прежние, несемейные, времена он развернулся бы и помчался в офис выяснять подробности этого дела, но сейчас с первой передачи рванул домой.

Корицей пропах весь салон. Этот запах напоминал о пироге и ответственности, которую он за него несет.

* * *

Песков, усмехнувшись, нажал отбой.

Есть! Сработало.

Рыбка клюнула, теперь надо осторожно ее поводить, подсечь и…

Впрочем, рано загадывать. Нельзя недооценивать Барышева. Он достойный противник – осторожный и умный. Хороший психолог. Сто раз отмерит и ни одного не отрежет.

Но, как говорится, и на старуху бывает проруха.

Как бы он хотел стать этой «прорухой» для умного и осторожного Барышева.

Теперь у шефа появилась семья – памперсы, распашонки, уси-пуси – а значит, появилось уязвимое место. Вон как расслабился – телефон потерял, галстук идиотский надел, на совещании балаган устроил.

Разве это прежний Барышев?

Надо пользоваться моментом.

Песков подошел к машине и победно брякнул сигнализацией…

* * *

Тесто доходило, а корицы все не было…

Вернее, не было Сергея.

Ольга замучилась отвечать на звонки его телефона и диктовать свой номер.

Она улыбнулась: интересно, что ей делать завтра, если все решат, будто это новый номер Сергея, и начнут звонить на ее телефон Барышеву?

За окном заурчал двигатель, беззвучно открылись ворота…

«Корица приехала, – весело подумала Ольга. – Вернее, Барышев».

Он ворвался в гостиную – огромный, широкоплечий, запыхавшийся, словно с работы домой бежал, а не ехал. Шагнул на ковер, как медведь, и тут же порушил город, который выстроили из кубиков Мишка и Машка. Они возмущенно заголосили.

Сергей, присев, оценивающе осмотрел масштабы разрушения.

– Вот это здание еще нужно снести, – показал он на «строение» рядом с разрушенным домом.

– Нельзя, – заявил Мишка.

– Ансамбль нарушится, – поддержала Машка.

– Да, это штука серьезная – ансамбль. Конечно, его нарушать нельзя, – задумчиво согласился Сергей и, поддернув штанины, уселся на ковер, словно забыв про Ольгу. – Но есть разные решения этой проблемы.

– Какие?! – в один голос спросили Машка и Мишка.

– Во-первых, традиционное градостроение предполагает наличие транспортных артерий…

– Сережа, корица! – напомнила Ольга.

Не глядя, он передал ей измятый галстук, скомканную бумажку с иксами и игреками и, наконец, пакетик корицы.

Не подошел, не поцеловал, сразу занялся любимым делом – города строить, улыбнувшись, подумала Ольга.

Пока Сергей увлеченно переставлял кубики, она поставила в духовку пирог и пошла в детскую.

Петьку пора будить, иначе колобродить будет всю ночь.

Она взяла сына на руки. Петька посмотрел на нее барышевскими глазами и заулыбался ее губами. Ольга прижалась к нему щекой.

– Папка наш пришел, – прошептала она. – Пойдем-ка мы с тобой посмотрим, что наш папа делает…

Сергей, увлекшись градостроительством, ползал на четвереньках по ковру и руководил «прорабами» – Мишкой и Машкой.

– Освободить стройплощадку, – командовал он, – тащите кубики, кирпичей не хватает!

Миша притащил кубики, начал возводить «здание», но Сергей возмутился:

– Да нет! Здесь надо симметрично поставить два дома! Дай сюда! – Забрав «стройматериалы» у Мишки, Сергей стал воплощать свой архитектурный замысел в жизнь. «Прорабы» смотрели на него озадаченно – можно вносить свои предложения или их задача только кубики подносить? Ольга подошла поближе и, взяв Петю за руку, помахала крошечной ладошкой:

– Здравствуй, папочка, я по тебе соскучился!

– Здравствуй, здравствуй, – не отрываясь от своего занятия, пробормотал Сергей и тут же приказал Машке: – Тащи еще кубики. – И, мельком взглянув на Ольгу с Петей, начальственным голосом приказал: – А вы стройплощадку освободите.

– Ну и пожалуйста, нам и не очень надо, – обиженно фыркнула Ольга, но все же отошла.

Заигрался! Вошел в роль…

А может, просто из нее не вышел?..

– Пирог! – кинулась она к печке. – Я корицу забыла положить!

Все замерли на секунду, потом захохотали одновременно до слез и громче всех – Барышев, повалившись плашмя на ковер.

Кто сказал, что он не умеет смеяться?

Видела бы Надежда…

В общем, пирог удался.

А перед сном Ольга застукала Сергея возле люльки с книжкой.

Он с выражением читал Петьке сложноподчиненные предложения, а Петька морщился и кряхтел, потому что хотел спать, а мощный барышевский баритон не давал ему это делать.

«– Кто это, Гек? – прошептал Том, еле шевеля губами от страха. – Кто это?

– Это индеец Джо! – ответил Гек.

– Бежим! – завопил Том во все горло. – Бежим!»

– Ну и что ты делаешь?? – удивилась Ольга, забирая у Сергея книгу и рассматривая обложку.

– Читаю, – без тени иронии пояснил Барышев. – Детям надо читать, я точно знаю.

– Марк Твен. «Приключения Тома Сойера». Ты уверен, что ему это интересно слушать? – едва сдерживая смех, спросила она.

– Должно быть интересно! – горячо заверил ее Сергей и обнял вместе с Томом Сойером. – В детстве это была моя любимая книжка!

Дверь открылась, и Нина Евгеньевна застукала их в длинном дурманящем поцелуе.

Впрочем, им было не привыкать.

И ей тоже.

– Петю пора кормить, – ничуть не смутившись, сообщила няня.

– Я сама покормлю. – Ольга забрала у нее бутылочку со смесью и в ее укоризненном взгляде прочитала: «Как же, покормите вы! Небось еще полчаса целоваться будете».

– Покормим, покормим, – успокоила ее Ольга и закрыла дверь на замок.

* * *

Грозовский сбежал с работы пораньше – еще и трех часов не было. Просто надоел бесконечный ремонт, шум, рокот дрелей, запах краски и полная неразбериха. Куда ни сунешься, везде завал, а сотрудники и рады – бездельничают с кофе и сигаретами по углам, ничего от них не добьешься.

Едва он сел в машину и завел движок, как в голову немедленно полезли мысли о… диких яблоках, запахе рыжих волос, сладком аромате незагорелой кожи, дерзких и сногсшибательных выходках, на которые не способна ни одна аристократка… О Надежде, одним словом, полезли в его голову мысли, и были они… ну, не совсем целомудренными.

А что… День в самом разгаре, они успеют миллион раз улететь и вернуться. А может, и вовсе не возвращаться…

Плейбой он, в конце концов, или только начальник?

Дима ощутил норов в своем молодом теле, прибавил газу и, как мустанг, помчался вперед на недопустимой для города скорости, и даже сыграл клаксоном бодрый мотивчик – пусть знают, что лучше не стоять на его пути к диким яблокам – горько-сладким и таким желанным.

Когда он пришел домой с грандиозными планами, Надя болтала по телефону, но тут же свернула разговор, услышав, как хлопнула входная дверь.

– Ну, все, целую, Димка вернулся. Димочка!

Она налетела на него вихрем, поцеловала в щеку, забрала ключи от машины, папку, все пристроила, разложила по полочкам и замерла, словно не зная, на что еще распространить свою деятельность.

Стараясь не выдать задуманного, Грозовский неторопливо разулся, прошел в гостиную и расслабленно сел на диван.

Надежда, словно паж, несущий шлейф короля, пришла за ним.

– Фу-у! – выдохнул он. – Полдня угробил на то, чтобы раздобыть компьютерщика. Выделенку надо тянуть, а то им по одному телефону не дозвонишься…

Главное, не выдать своих намерений. А то неудобно как-то: приперся средь бела дня домой, чтобы…

Надя, поняв его «усталость» по-своему, метнулась на кухню.

– Димочка, ты борщ будешь?

Борща, конечно, хотелось, но потом…

– Я в городе пообедал, – отбился Дима от заманчивого предложения.

– Ну вот! Зачем же? Я борщ сварила. Вкусный. – Она вышла из кухни, расстроенная, с выбившейся из пучка рыжих волос прядью, и от этого еще более соблазнительная. – Или только кофе?

– Кофе давай, – согласился он.

Главное – не выдать намерений.

Он все-таки лег на диван, занимая стратегически выгодную позицию. Надя ушла на кухню, а Дима, чтобы скоротать время, решил использовать его в воспитательных целях. Чтобы, опять же, не выдавать намерений…

– Слушай, матушка! – крикнул Дима. – Я тебе вчера еще вломить хотел, но забыл. Какого черта ты намедни ввалилась в мой кабинет, когда я работал, а?

– Ты не работал, Димочка, ты просто орал, как дикий крокодил. – Надя подплыла к нему с подносом, на котором дымилась чашка, присела на край дивана и пристроила поднос на журнальный столик.

Даже аромат крепкого кофе не сбил его с правильного пути.

И не перебил желания.

Он взял Надю за руки и притянул к себе.

– А как, по-твоему, орут дикие крокодилы? Кстати, часто ли ты встречала домашних крокодилов?

Ну можно уже выдавать намерения или еще подождать, чтобы не показаться слишком нетерпеливым?

Он жадно поцеловал ее и все же решил еще потянуть время. Что он, рефлексирующий юнец, что ли, который впервые дорвался до запретного плода и потерял голову, самообладание и что там еще теряют? Он уверенный. Он спокойный. Он дождется, пока Надьке самой станет не до кофе и не до разговоров – ни до чего – и она прижмется к нему, запутав его в своих рыжих волосах, и они улетят в бесконечную Вселенную. Улетят, вернутся, опять улетят и, может быть, даже не захотят обратно…

– Чтобы не смела мешать мне общаться с подчиненными, ясно?

Он снова поцеловал ее – в этот раз едва касаясь губами, словно пробуя на вкус ямку возле груди.

– А ты неправильно с подчиненными общаешься, – безапелляционно заявила Надя, будто не понимая, что он думает совсем о другом и тратить время на разговоры бессмысленно.

– Это почему же неправильно?

– Вот ты на Дарью наорал, а она потом такая грустная была, прямо смотреть на нее жалко стало.

– Грустная она не потому, что я на нее наорал, а потому, что ее Борька бросил.

– Какой Борька? Почему бросил?

Нет, она правда не понимает, что ему не до Борьки, или дуру включила?

– А вот такой Борька… обыкновенный…

Он набросился на нее, сорвал халат и все, что под ним было, – не дождался, немного недотянул, все-таки потерял самообладание…

– А почему…

– Не знаю, захотел и бросил.

Надя обхватила его за шею руками, прижалась всем телом, но не поцеловала, а серьезно сказала:

– Ой, бедная…

– Ничего не бедная! – взбесился Грозовский. – Борька тот еще подарок. Я знаю его как облупленного. Очень даже хорошо, что он ее бросил.

Он уже было хотел всерьез заняться дискуссией, раз ей не до секса, но Надя притянула его к себе, заграбастала, обхватила руками, ногами, всем телом, запутала в волосах и…

Он забыл, кто он, где и в каком измерении…

– Все равно бедная, – жарко прошептала Надя ему на ухо…

Затянувшийся полет вымотал, как жара, которая простояла полгода. Хотелось доползти до воды, но сил не было.

Дима вспомнил про кофе, протянул руку к журнальному столику, но не попал, смахнул чашку на пол…

Все, смерть, решил он.

Смерть от любви.

Но Надя умирать не собиралась.

– Димочка, давай купим вазочку, – проворковала она у него под мышкой, щекоча дыханием грудь.

– Ка…кую вазочку?

– Красивую… С орнаментом. Я видела в магазине. А то у нас и цветы не во что поставить.

– Какие еще цветы? Где ты видишь цветы?

Разговор возвращал его к жизни.

– Нигде не вижу. – Надежда, привстав, осмотрела комнату. – То-то и оно, ты цветов мне не покупаешь, потому что вазочки нет… А была бы… Давай купим!

И правда, почему он не покупает ей цветы? Прямая связь между отсутствием вазы и нехваткой букетов, конечно, была не очевидной, но Дима почувствовал легкие угрызения совести.

Да слава богу, что Надя думает, будто цветов нет, потому что нет вазы! Какое счастье ему досталось – милое, доброе и наивное. Нет вазы – нет цветов. Будет ваза – будут букеты. Все, решено, он покупает вазу, несмотря на его нелюбовь ко всяким мещанским штучкам.

Он поцеловал Надежду, вскочил, натянул штаны и, пригладив волосы, изобразил решимость купить черта лысого, лишь бы угодить любимой.

Любимая ураганом промчалась мимо и через десять минут стояла у дверей с сумкой, в полной боеготовности.

* * *

Шопинг превзошел все ожидания.

Если бы не несчастный вид Грозовского, тащившего многочисленные пакеты, Надежда была бы счастлива.

Она скупила все, что мечтала купить с начала семейной жизни, – шкатулочки, салфеточки, статуэтки, кашпо, подставки, подсветки, милые картинки, колокольчики от злых духов… и еще что-то, забыла, как называется, для привлечения удачи. Потрешь «это», и удача гарантирована.

Да, и вазу она наконец купила.

Розовую, с орнаментом.

У Грозовского было такое выражение лица, будто он выпил литр касторки.

Он умудрялся тащить пакеты с таким видом, словно он не имеет к ним никакого отношения. То есть он сам по себе – изысканный и холеный, а этот хлам – сам по себе. Ну и что, что он у него в руках? Неудачный монтаж. Ошибка зрения.

Они уже почти вышли из магазина, когда Надежда увидела ЕГО. Размером с настольную лампу, с канделябрами, цвета старого золота…

Надя потрясенно замерла перед прилавком. Она еще не успела потереть «это», а удача уже ей улыбнулась. Такой подсвечник она видела в книге про английскую королеву…

Или про французского короля…

– Димочка, – простонала она и его молчание поняла как согласие.

– По-моему, речь шла всего-навсего о вазочке, – проворчал Грозовский, запихивая коробки и пакеты в багажник.

– Так мы ж и вазочку купили, – улыбнулась Надя, словно он не помнил этой розовой жути с цветным узором.

Кажется, этот узор состоял из бабочек, а может, птичек. В общем, при виде такой жути его высокохудожественный вкус взбунтовался, вызвав приступ тошноты и желудочных колик.

– А это что? – ткнул он пальцем в пакеты. – Вот это все зачем?

– Димочка, это все нужные и полезные вещи. – Для убедительности Надя взяла его за рукав. – Очень нужные! И очень полезные!

– Да ну тебя. – Он с легким раздражением стряхнул ее руку и выудил из чудовищной кучи возмутительно безвкусный подсвечник. – И это полезная вещь?! – Он потряс подсвечником перед Надеждой. – Очень нужная и полезная?!

– А как же! Вот, например, свет отключат, а мы сюда свечек понатыкаем, и пожалуйста… Светло будет.

Грозовский посмотрел в ее зеленые искренние глаза, сунул подсвечник обратно в багажник, вздохнул и пошел за руль.

Да уж, будет ваза – будут букеты. А заодно свечи, колокольчики, кружевные салфеточки, картинки с котятами, слоники на комоде…

Дима завел двигатель, искоса глянул на Надежду, вспомнил вкус ее губ, аромат рыжих волос и решил – хрен с ними, и с орнаментом, и с канделябрами, глядишь, и правда отключат свет, а он свечи зажжет и… закатит роскошный романтический ужин. У него же – выдержка и железное самообладание. Он дождется, пока Надьке самой станет не до ужина – ни до чего – и она запутает его в рыжем неводе, из которого у него не будет ни сил, ни желания вырваться.

– Димочка, я еще ароматические масла забыла купить, – тут же воспользовалась его потеплевшим взглядом Надя.

* * *

Не успела Ольга переступить порог «Солнечного ветра», как едва не упала, наткнувшись на гору строительного мусора.

Надя предупреждала, что в агентстве ремонт, но чтобы вот так, с порога… Кучи мусора, грязь под ногами…

Ольга схватилась за стену и огляделась. Масштабы катастрофы ее впечатлили. А главное – рабочие беззаботно курили у окна, сплевывая на пол.

– Девочки! Ольга приехала! – закричала Алина из креативного отдела, заметив Ольгу, гневно смотревшую на рабочих.

– Ой, как здорово! – выскочили из кабинетов Вера, Катя и Олеся.

Они налетели на Ольгу, начали щупать, обнимать, целовать и едва не уронили ее в мусор.

– Как здорово, что ты появилась! Мы соскучились! А у нас тут пожар во время наводнения.

– Я вижу, – засмеялась Ольга, забыв о своем решении сделать рабочим выговор.

Она перебралась через завал штукатурки и досок и направилась по коридору к кабинету Грозовского.

Ольга шла стремительно, улыбаясь и весело бросая налево-направо попадающимся навстречу сотрудникам «Здрасьте, здрасьте»… Несмотря на ремонт и полную неразбериху, ей приятно было ощущать немного подзабытую за время декретного отпуска атмосферу «Солнечного ветра».

Вот надо же, офис сменили, а запах остался тот же, и даже ремонт не перебил его – запах свежесваренного кофе, типографской краски, легкого сигаретного дыма и дорогих духов.

– Здрасьте, здрасьте, – кивала Ольга и улыбалась.

Как здорово, когда тебе все так рады…

Она вдруг наткнулась на колючий взгляд Дарьи. Та стояла у двери своего кабинета и курила. Красивая, как всегда, и еще более изысканная, чем прежде, – тонкая рука с сигаретой на отлете, гордый поворот головы, чуть вздернутый подбородок – так и хочется схватить карандаш и поймать эту позу в графике.

– Привет! – Ольга остановилась и улыбнулась Даше радушнее, чем остальным.

Нет, показалось. Не было колючего взгляда. Взгляд был просто усталым. От одиночества, от неудовлетворенности.

– Привет! – Дарья чмокнула Ольгу в щеку, почти не прикоснувшись губами, чтобы не оставить следа помады. Дверь за ее спиной открылась, выглянул Тимур с отчего-то всклокоченными волосами.

– О! Тяжелая артиллерия прибыла! Враг будет разбит, победа будет за нами!

Он еще добавил на своей голове творческого беспорядка и подмигнул Ольге.

– Давай, давай, показывай карту сражения! – подбодрила его она, и они втроем двинулись к кабинету Грозовского.

Как же приятно ощущать себя капитаном этого большого белого корабля под названием «Солнечный ветер»!

Эскизы и правда никуда не годились. С бумаги на Ольгу смотрела расчлененная рыбья плоть со всеми анатомическими подробностями.

– Ну, ребята, ну вы даете… – Она перебирала страницы с таким видом, будто боялась испачкаться этой рыбой. – Что это такое? Отрезанная рыбья голова разговаривает! Это же фильм ужасов какой-то! Кому такое в голову пришло? – Ольга отбросила эскизы на пол и в упор посмотрела на Тимура. – Подозреваю, тебе, живодер! А это?! – Она выдернула из стопки на столе другой набросок. – Золотая рыбка из сказки плавно перекочевывает в консервную банку! Она же положительная рыбка! Ее же есть жалко! Это бред какой-то, причем беспомощный!

Грозовский вошел в кабинет неслышно, когда все уже были в сборе. И теперь ему становилось все веселее и веселее. Как она… изящно их распекает. И Тимур вовсе не бесится, а преданно заглядывает Ольге в глаза – мол, как скажешь, живодер так живодер, переделаем, чего уж там…

И Дарья… Впрочем, по Дарье ничего не поймешь. Сидит в своем кресле как искушенная зрительница, а на лице – немного отрешенности, немного усталости, немного любопытства и в меру косметики. Мол, мы и сами с усами, но все равно – как скажешь, раз ты тут у нас гений.

…Эскизы один за другим летели на пол. Когда не осталось ни одного, Ольга придвинула к себе чистый лист бумаги, выхватила из подставки карандаш и быстрыми точными движениями набросала что-то – Дима даже и не видел что, но знал – это единственно верный и правильный эскиз.

– Вот, вот и вот! А здесь слоган. А вот тут что-то вроде маленького герба… или нет, лучше виньетка. Вот такая изящненькая штучка.

По летящему движению карандаша Грозовский понял, что «штучка» очень изящненькая и клиенту точно понравится.

«Ну, раз ты тут у нас штатный гений…» – прочитал он опять в глазах Дарьи, хотя она даже не взглянула на рисунок.

– А ты, Даша, тоже подошла бы и посмотрела, – весело посоветовала Ольга, и Дарья медленно встала, нехотя приблизилась, бросила быстрый взгляд на эскиз и кивнула.

– Ну вот в основном как идея… – отодвинула Ольга листок и, вскинув глаза, только сейчас заметила Диму. – Ой, господи! – Она засмеялась звонко, словно это бог весть какое веселье – застать Грозовского в его же кабинете. – Димка! Как ты подобрался неслышно!

– Привет! – Он поцеловал ее в щеку и взял в руки эскиз.

Никакой расчлененки. В тонких линиях угадывался пейзаж – лес, горы, облака, в отдалении костер, силуэты с гитарой вокруг огня, палатки… Не буквально и в лоб, а намеком – туристическая романтика, куда ж тут без кильки в томате, без сардин в масле и скумбрии в собственном соку.

– Ну что ж… по-моему, недурно, – пробормотал Дима. – Очень даже недурно.

– А по-моему, гениально! – заглянул ему через плечо Тимур.

– Ты бы так на мои замечания реагировал, ценитель, – усмехнулся Дима и обратился к Ольге: – Кофе попьем?

– Только очень недолго. У меня мало времени. Да и я теперь только чай пью, – она улыбнулась немного смущенно, как бы извиняясь, какой кофе, я же кормлю, неужели не понимаешь…

– Нет, точно гениально! – Тимур выхватил у Грозовского эскиз.

– Зашибись! – насмешливо сказала Дарья и вышла.

– Ее Борис бросил, – словно извиняясь, зачем-то объяснил Ольге Дима.

Та понимающе покачала головой. Значит, она права – и тщательно скрываемое раздражение, и лед в глазах – все от одиночества.

* * *

Как же я вас всех ненавижу!

Эта мысль стала привычной, как утренняя чашка кофе, как сигарета, зажатая в пальцах, как каблуки, в которых она разве что не спала. Эта мысль перестала пугать и даже стала придавать ей сил.

Из окна своего кабинета Дарья видела, как Грозовский проводил Громову до ее «Лексуса», как она села за руль, сверкнув ослепительной белозубой улыбкой и мелькнув подолом замшевой юбки от «Gucci».

Вернее, теперь она не Громова, конечно, а Барышева. От слова «барыши»…

«Лексус» мягко тронулся с места. Грозовский, как кумушка на перроне, помахал ему рукой. Переобщался с фабричными девчонками… «Лексус» в ответ посигналил и прибавил ходу. Грозовский не уходил, глядя на автомобильный поток.

Дарья вытряхнула из пачки длинную тонкую сигарету, взяла зажигалку, но в кабинете решила не курить. Здесь все раздражало – даже собственное отражение в изящном зеркале на стене. Зеркало говорило, что она злая, обиженная, униженная и несчастная.

Как же я вас всех ненавижу!

Напоследок глянула в окно – Димки и след простыл.

В закутке для курящих никого не было.

Но как только Дарья уютно устроилась на кожаном диване, из-за угла вылетела запыхавшаяся Кудряшова. Рыжая. Огромная. Безвкусная, как матрешка на ярмарке, с веснушками вполлица.

«Б-рр! – внутренне содрогнулась Дарья и бесстыдно дала ход своей гадкой мыслишке. – ЭТУ я ненавижу больше всех!»

– А Ольга где? У Димы? – притормозила возле нее Кудряшова, обдав приторным ароматом турецкого парфюма.

– Уехала, – Дарья выдохнула дым через нос.

– Уже?! – слишком бурно огорчилась Надежда и даже всплеснула руками. – Ах ты, господи…

У Кудряшовой всего было чересчур – эмоций, макияжа, жестов и… идиотских словечек.

«Да иди ты уже, – мысленно взмолилась Дарья, – а то я сейчас задохнусь».

– Ну надо же! – Надя прислонилась к стене, прижав к груди сумку. – Так и знала, что опоздаю… Оргтехнику закупала. Так пока все документы оформили, пока подписали… Телились, телились!.. – Она опять слишком горячо огорчилась, только руками, слава богу, не всплеснула.

«Иди отсюда, иди! – в отчаянии телепатировала Дарья. – Не могу тебя ни видеть, ни слышать!»

Но Кудряшова вдруг с сочувствием на нее посмотрела и плюхнулась на диван – близко-близко – Дарья даже ее дыхание почувствовала на своей щеке.

О, господи! Сейчас стошнит!

Но испытания на этом не закончились.

Кудряшова взяла ее руку в свои теплые пухлые ладони и проникновенно произнесла:

– А ты, Даш, брось! Не стоят эти мужики, чтоб из-за них расстраиваться, ей-богу!

– Ты это о чем? – Дарья высвободила руку и слегка отодвинулась.

Холодность и отстраненность – вот пока ее оружие.

– Да ладно, я же вижу, не слепая, – вздохнула Надежда. – Ходишь с тоской в глазах, даже с лица спала.

Холодность и отстраненность. Раньше времени нельзя выпускать этого черта – ненависть… Пусть сидит пока тихо, ждет своего часа.

– Я вон сколько своего счастья дожидалась, уж думала, все, не светит мне ничего, а дождалась. И ты дождешься. Встретишь того, кого надо! А этого, твоего, даже не вспомнишь потом. Я те точно говорю! У меня на это рука легкая.

Кудряшова наконец встала, отряхнула зачем-то юбку и помахала рукой – точно Грозовский от нее нахватался.

– Ладно. Пойду в бухгалтерию отчет давать.

Упорхнула, скрылась наконец с глаз. Только успела раза три обернуться и опять – все махала и махала своей пухлой ручкой…

Дарья раздавила окурок в пепельнице, расплющила его в блин, обожгла пальцы, но боли не почувствовала.

«А эту я готова убить», – подумала она.

Сердце от захлестнувшей ярости впервые в жизни дало сбой.

Холодность и отстраненность, приказала себе Дарья.

«Еще не пришло мое время».

* * *

К дому Ольга подъехала в прекрасном расположении духа.

С этой рыбой дел оказалось на две минуты. Зато теперь можно приготовить ужин, помочь Маше с русским и Мише… тоже с русским, потому что с математикой у нее никак, перетрясти весь гардероб Сергея – что-то в химчистку, а что-то в стирку, – потом сменить шторы в гостиной – надоели, – пересадить цветы, разобрать шкаф на кухне… Да, и все это время возиться с Петькой – кормить, пеленать, укачивать, снова кормить, снова укачивать…

Она загнала машину в гараж, с удивлением отметив, что «Мерседес» Сережи на месте.

Он дома в разгар рабочего дня? Беспокойство кольнуло – зачем? Что-то случилось?

Ольга побежала в дом и в дверях гостиной столкнулась с Сергеем. Он провожал высокого светловолосого мужчину. Когда-то давно Барышев представлял ей его, но она забыла, кто он.

Слава богу, все хорошо. Она поняла это по улыбке Барышева, по его спокойному тону.

– Только, Игорь, я тебя прошу, сразу же отдай документы в секретариат или в сейф спрячь. Сделаешь нужные выписки и спрячь. Понял?

– Здравствуйте! – Высокий мужик улыбнулся и кивнул Ольге.

– Добрый день, – она растерялась – сослуживцы Сергея никогда не приходили к ним в дом.

Барышев обнял ее за плечи.

– Вернулась. Отлично. Игорь, может, задержишься? Выпьем кофе втроем или чего-нибудь посущественнее. – Он подмигнул ему, как старому другу, не как сослуживцу.

– Не могу. К сожалению. К очень большому сожалению!

Беспокойство, кольнувшее ее в гараже, снова вернулось.

Какой-то он… больно уж неестественный, этот Игорь. Навесил глянец на взгляд, на улыбку и на манеры. Безупречные реплики, одет, как денди, а сам… Словно фальшивит. Будто ноту берет не из своего диапазона…

Кольцо вон на мизинце блестит бриллиантом. Зачем? Не нравились Ольге мужики с кольцом на мизинце, особенно с бриллиантами, ей казалось, что есть в этом дешевое пижонство, показуха какая-то.

С лестницы вихрем слетели дети, обступили ее со всех сторон, дернули за подол, потянули в разные стороны.

– Мама! – Миша потряс ее за руку.

– Мамочка! – Маша, прижавшись к Ольге, попыталась отобрать у Мишки ее руку.

Игорь наклонился к Маше, погладил по голове.

– Какая взрослая девица! Привет.

– Здравствуйте, – важно поздоровалась Маша.

– И вам привет, молодой человек! – Игорь протянул Мишке ладонь для рукопожатия.

– Здорово! – Миша изо всей силы ударил ладошкой по этой холеной руке, отблескивающей бриллиантом.

– Миша! – Ольга перехватила руку сына.

– Все в порядке. Нормальное мужское приветствие, – сказал Игорь.

Ольге вдруг стало стыдно.

Ну и дурочка она со своей мнительностью! Притащила ее из своей прошлой жизни. Как старый хлам. Ну и что, что кольцо с бриллиантом да на мизинце, вон с детьми-то быстро общий язык нашел!

Она вспомнила – Игорь первый зам Барышева. Да, самый первый.

– Ну, я поехал, Сергей.

– Давай! – Барышев ударил его по плечу – опять как старого друга – и проводил до двери.

Дети умчались, Сергей закрыл дверь, подошел и поцеловал Ольгу в щеку.

– Сереж, а этот Игорь, он твой самый первый зам, да?

– И зам самый первый, и друг. Игорь Песков – помнишь, я тебе говорил? А что?

Она не давала ему целоваться, а когда еще он вот так, среди белого дня окажется дома и никто – ни дети, ни няня – не будут им мешать?

– Сереж, а он… давно твой зам?

– Да какая разница, Оль?

– Сереж, подожди… А кольцо на мизинце у него зачем?

Он рассмеялся. Марафон поцелуев закончился, не начавшись.

– Ну что ты как маленькая, Оль! Далось тебе это кольцо…

На всякий случай он сделал еще одну попытку подступиться к ее губам, но она увернулась.

– А сколько ему лет?

– Оль… Нормальный у него возраст. Солидный. Какие еще вопросы?

– Никаких. – Она отвела глаза и сделала вид, будто что-то ищет в сумке.

Опять ее стало донимать беспокойство, словно комар, жужжащий над ухом, – старый хлам из прошлой жизни…

Барышев ткнулся носом куда-то ей за ухо, прошептал:

– Нина Евгеньевна приготовила что-то очень вкусное. Во всяком случае, пахнет в кухне заманчиво.

* * *

Вечером, когда Надежда уже собиралась домой, в ее кабинет зашла Дарья. Потянулась, улыбнулась, спросила:

– Работаешь? – От утренней ее мрачности и следа не осталось.

– Да бардак этот никак не разгребу, – Надя кивнула на заваленный бумагами стол.

Дарья присела на край стола, подняла ногу и начала рассматривать узкий носок своей безупречной туфли на шпильке.

– А Димка уже часа два как смылся.

– Ну и что? – Надя собрала папки в стопку и пристроила их на гору бумаг. Папки немедленно съехали, прихватив с собой и бумаги.

– Тьфу ты, господи, – вздохнула Надежда и, присев, стала собирать с пола эту чертову документацию, от которой ну никакого спасу нет! Везде они – справки, акты сдачи-приемки работ, счета-фактуры, платежки… И с каждым днем их все больше и больше.

– Ты хоть знаешь, где он? – Дарья уставилась на Надю подведенными миндалевидными глазами.

– Где, где? Дома.

Надя огляделась и положила папки на подоконник. Отсюда они до утра точно не свалятся, а завтра…

– Вполне возможно… а может, и…

В данный момент Дарья ее раздражала.

Чего выгибается тут, как кошка, ноги свои разглядывает и глазами томно поводит? Ну, пожалела ее Надя утром, и что? Что за намеки тут теперь на «толстые обстоятельства», как говорил когда-то комендант фабричного общежития.

– Что может-то? – Надя уперла руки в боки, давая понять, что намеков она не понимает.

– Да ничего. Ладно, пока! Мне еще со слоганом тут посидеть надо.

Дарья соскользнула со стола и ушла с грацией дикой тигрицы.

Надежда взяла телефон, набрала Диму. Никто не ответил.

Заснул, наверное, бедненький, с нежностью подумала Надя, вспомнив, каким замотанным к концу дня выглядел Грозовский – встал рано, торчал в пробках, воевал с рабочими, которые тянули с ремонтом, носился на переговоры с заказчиками…

Она сунула телефон в сумку, выключила свет в кабинете и вышла, отчетливо представляя, как Димка спит на диване в одежде, не реагируя на разрывающийся от звонков мобильник…

Телефон трезвонил где-то в недрах кармана Надькиным вальсом, но взять его Дима не мог – руки были заняты пакетами. Он едва ли не зубами открыл дверь, ввалился в квартиру, бросил пакеты на пол и перевел дух.

Утомительное это дело – романтический ужин.

Грозовский включил свет и не удержался – на секунду зажмурился. Его квартира в стиле хай-тек превратилась в расписную кибитку. Со стены смотрели котята с бантами на шее, обрамленные золотой рамкой, на полке два фарфоровых ангелочка играли на флейтах и строем стояли слоники мал мала меньше, в углу жался огромный подсвечник «под золото», над головой от малейшего движения звенели китайские колокольчики, а возле зеркала восседал огромный пузатый Хотей. Как объяснила Надя, надо было потереть пузо этому толстому бронзовому дядьке и… то ли денег прибавится, то ли желание сбудется.

Грозовский перевесил картину котятами к стене, повернул ангелочков флейтами к ней же и… потер пузо Хотею – пусть его первый кулинарный опыт удастся.

Из горы пакетов он выудил букет остропахнущих лилий и свечи. Свечи вставил в подсвечник, ладно, пусть живет этот монстр, пусть пользу приносит, а лилии еле впихнул в розовую вазу с орнаментом – горлышко оказалось очень узким.

После всех этих действий Дима почувствовал сильную усталость. Вот бы сейчас, не раздеваясь, упасть на диван и проспать до утра…

Но он собрал волю в кулак и потащился на кухню.

Ничего глупее кулинарной книги он никогда не читал. Как это – взять сто двадцать граммов сливочного масла? Где тут у Надьки аптекарские весы?

Дима огляделся, надел фартук. Ну, шесть яиц – это понятно… А как отделить белки от желтков? Они, эти кулинары, фокусники, что ли? Он нашел в инструментах шило, проткнул яйца с двух сторон и через дырку попытался выдуть белок в миску. Ничего не выдулось. Да ну его к черту, решил Грозовский, и, расколотив яйца ножом, отправил в миску их содержимое. Какая разница – белок, желток?

Растереть со стаканом сахара, прочитал он в кулинарном талмуде. Чем растереть, пальцами, что ли? Интересно, где Надька сахар берет? Ладно, потом разберемся…

С мясом он справился быстрее – выложил готовые стейки на сковородку и поставил на слабый огонь.

С десертом, правда, пришлось распрощаться – стеклянную миску с яйцами он смахнул на пол, когда в шестой раз отмерял на глазок «сто двадцать граммов» сливочного масла. Миска разлетелась по кухне миллионом осколков, а яйца растеклись по полу большой скользкой лужей.

Самым трудным оказалось найти половую тряпку. Ее не оказалось ни в ванной, ни в туалете, а где еще могла быть эта чертова тряпка, Грозовский не знал. Он включил пылесос и «засосал» яйца с каким-то злорадным чувством мести за неотделенный желток…

Чтобы совсем не провалить ужин, он поставил на стол в гостиной бутылку вина, бокалы и… развернул котят обратно.

Если Надька каждый день вот так, с риском для жизни, готовит завтрак, обед и ужин, можно потерпеть этих животных. И ангелы пусть играют на флейтах… И слоны строем идут… И Хотей, этот бронзовый шарлатан, пусть занимает полкоридора…

В голову вдруг пришла дельная мысль, и он взял телефон.

Запах гари Надежда почувствовала еще в подъезде. Заподозрив неладное, она своим ключом открыла дверь и ворвалась в квартиру.

В страшном чаду на кухне Димка стоял на коленях и собирал осколки ее любимой голубой мисочки. Почему-то в носок. Почему-то в ее сиреневом фартуке с заячьей мордой на груди.

На сковородке догорал стейк. Горка других, таких же обгорелых, лежала на тарелке, украшенная помидорами черри.

Надя ринулась к плите, выключила огонь.

– Господи! Что ты тут делаешь?! – Она оглядела разгром на кухне.

Разнокалиберные куски сливочного масла лежали в тарелках, посуда из шкафов валялась на полу, но больше всего ее поразило шило на столе.

– Ты не поверишь, но я решил приготовить романтический ужин. – Дима встал и потряс носком. В носке загремели остатки любимой мисочки.

– Ты… ты посмотри, чего ты тут навалял, мне ж это два дня разгребать!

– Не драматизируй. Я считаю, что справился с минимальными потерями. – Грозовский кивнул на гору горелых стейков, украшенных черри, и опять зачем-то потряс носком. Осколки снова мелодично зазвенели.

– Ты… почему… – Первый раз в жизни у Нади не хватало слов.

– Пакета нигде не нашел, – объяснил Дима. – Это же осколки… Их как-то обезопасить надо. – Он безошибочно нашел мусорное ведро и опустил в него «музыкальный» носок. – Мелкие-то засосались, а эти, покрупнее, того…

– Куда засосались? А… – Надя уставилась на расплавившиеся куски масла в тарелках.

– Это я сто двадцать грамм отмерял. Весов-то у нас нет, матушка! Ты вот как отмеряешь? Чем?

– А шило, шило-то здесь при чем?

– Белки от желтков отделял. Ты вот как отделяешь?

– Нет, ну это прям рехнуться можно… – На глаза ей попался пылесос.

– Там яйца, – предупредил Дима. – Наверное, его как-то помыть нужно…

– Нет, ну ничего себе! Приходишь с работы усталая как лошадь, а тут… – Слов опять не хватило, и Надя закашлялась от возмущения.

Грозовский взял со стола тарелку со стейками и понюхал помидорчики черри.

– Ты знаешь, как это называется? Очень романтично. Мясо в кляре по-андалузски, испанская штучка. Кляр, правда, я забыл…

– Я бы сказала, как это называется, да только, боюсь, у тебя уши трубочкой скрутятся… – Надя поймала его отчаянный взгляд и замолчала. Он ведь для нее это все – и яйца пылесосом, и масло кусочками по всей кухне, и носком пожертвовал, и с шилом вон что придумал! Все! Ради! Нее!

На какие там «толстые обстоятельства» намекала Дашка?! Видела бы она Грозовского с зайцем на груди…

Дима шваркнул тарелку о пол. Стейки, черри и новые осколки разлетелись по кухне.

– Димочка! – Надя бросилась ему на шею и быстро-быстро стала целовать лицо, шею, плечи. – Прости меня, пожалуйста… Димочка! Димочка, ну прости!

Пару секунд он стоял как каменный, потом оттаял, обнял ее крепко, поцеловал в висок и прошептал на ухо:

– Надька, я столик в ресторане по телефону заказал. Поехали, у нас все-таки будет романтический ужин!

– Ага… Ты второй носок-то давай, давай, снимай!

– Зачем?

– Так осколки же! Их опять обезопасить надо! А эти… шницели твои… пылесосом, что ли…

* * *

Что она сделала не так?

В какой момент стала неудачницей? Она упустила этот момент. Этот день, этот час и эту минуту…

Почему Громова ухватила удачу за хвост, а от нее эта удача ускользнула? Да что там Громова…

Кудряшова – вот кадр.

В кошмарном сне Дарье не могло бы привидеться, что Грозовский на полном серьезе увлечется рыжей матрешкой с веснушками вполлица.

Сначала Дарья подумала – это блажь. Ну захотелось столичному денди свежей крови откушать, развлечься, взбодриться провинциальной непосредственностью… Но эта трапеза затянулась, а потом Дарья с удивлением вдруг поняла – это не блажь, а пресловутая «химия», которая бросает людей друг к другу и не дает расстаться.

Любовь, одним словом. Хоть романы пиши.

Дарья налила третий бокал виски и посмотрела на себя в зеркало. Шикарная. Да чего там – роскошная. Волосы, шея, талия, ноги… Особенно ноги – тонкие щиколотки, высокий подъем и длиннющие… Километра два безупречных шикарных ног. Она скинула шелковый халат, осталась в черном белье, чулках и туфлях на шпильках.

Чего-то не хватает…

Даша взяла алую помаду и накрасила губы. Как будто крови напилась. Так и надо – образ стал законченным и лаконичным.

Вот почему у нее с Грозовским не возникла эта самая «химия»? Любовь, которая… Почему с матрешкой? Дарья одним махом выпила виски, налила еще.

По большому счету, ей было неудобно жить с этой своей ненавистью. Будто ходишь на десятисантиметровой платформе – неустойчиво, шатко, вот-вот навернешься, шишку набьешь или, того хуже, ноги переломаешь. По большому-то счету, она, Дашка, была веселая, с огромными планами на жизнь. Только вот планы эти сбывались у других, а не у нее. И поэтому нужно устоять на этой неудобной платформе. Устоять и повернуть свою жизнь в нужное русло, раз уж по какому-то невероятному стечению обстоятельств она стала вдруг неудачницей…

…Добил ее сегодня Вадик Бойко. Она вышла из агентства и решила немного пройтись пешком – подышать свежим воздухом, чтобы унять расшалившиеся нервы. Неподалеку была кондитерская, и Даша решила заглянуть туда – подкупить эндорфинов, гормонов счастья. Съешь фруктовую корзиночку – и пять минут счастлива. Потом вторую и… снова довольна жизнью. Пусть недолго, но с гарантией. Это были ее таблетки от несчастий – пирожные.

Бойко неожиданно вынырнул из проулка, словно грабитель. Даша даже шарахнулась от него, потом присмотрелась – Вадик. Выглядит, правда, не очень – ботинки те же, в которых «Солнечный ветер» топтал, щетина… Стрижка рубликов на триста тянет, не больше, пеший опять же.

Где он работал после того, как Ольга его уволила, Даша не знала.

– О, какие люди! Привет, старуха! – Вадик фамильярно обнял ее за плечи.

– Привет, – Дарья слегка повела плечом, пытаясь стряхнуть его слишком теплую, мягкую руку.

– Что мы делаем в этих местах?

– Мы выходим с работы.

– Ты что, ушла от Грозовского?

Дарью слегка передернуло. А послать бы его по матушке! Но она вспомнила – сдержанность и холодность ее оружие.

– Нет. Мы сюда переехали, в новый офис.

– Понятно. – Он наконец освободил ее плечо от своей потной ладони и сунул руку в карман. – Как дела? Что новенького? Слышал, Ольга замуж вышла за денежный мешок.

– Я смотрю, ты хорошо информирован, – усмехнулась Дарья.

Черт ее дернул дышать свежим воздухом.

– На том и стоим, – Вадик многозначительно погремел чем-то в кармане – ключами от машины, что ли? – А еще я слышал, что Ольга притащила из своего Мухосранска подругу, и она у вас теперь тоже работает.

– А что ты еще слышал? – Даша резко остановилась и посмотрела Бойко прямо в глаза.

– Еще? Да много чего… – Он не смутился, напротив, взял ее под локоток и заговорщицки сообщил: – Например, что Грозовский жениться собрался на этой самой, из Мухосранска.

– И не лень тебе все это слушать? – Голос предательски задрожал…

– Обидно! Обидно, старуха! За тебя! Как-то все не шоколадно получается… Выходит, сделали тебя, а? По всем статьям сделали. Обидно! – Он попытался похлопать ее по плечу, но Даша оттолкнула его руку.

– Да ты уж так не убивайся!

– Ну как же! Вместе работали. – Вадик, будто не понимая ее сдерживаемого бешенства, сменил тон с издевательского на проникновенный: – Ну, а как ты вообще?

– Нормально.

– Ну ладно, я побежал.

– Беги.

Он все же похлопал ее по плечу и действительно не пошел, а побежал через дорогу. На ходу вынул из кармана ключи, брякнул сигнализацией и запрыгнул за руль вполне приличного «Пежо». Все это он проделал с расчетом, что Дарья увидит.

Она развернулась и пошла в обратном направлении.

Сходила за гормонами счастья…

Вместо пирожных она купила бутылку виски.

…Дарья опять посмотрела на свое отражение. Ком стоял в горле, и виски его все никак не мог растворить. Она еще налила, выпила и спросила у отражения:

– Ну? Так как же у тебя дела? – Последнюю порцию виски она допила прямо из бутылки. – А хреновые дела. А почему хреновые? А потому. Сделали тебя! Сделали! По всем статьям. А кто? А две дворняжки. И что ж, ты им спустишь? Нет! Ты им войну, что ли, объявишь?

Она задумалась. Нет больше прежней веселой Дашки. Планы на жизнь остались, но добиваться их осуществления она станет по-другому.

Зажмурив левый глаз, она пальцем прицелилась в свое отражение, потом перевела «дуло» на пустую бутылку.

– Паф, паф!

Бутылка отчего-то не разлетелась. Даша взяла алую помаду и на зеркале размашисто написала: «Я объявляю вам войну!»

Вот именно. Словно кровью написано.

Пришло время выпустить на свободу черта по имени «ненависть».

Пришло время заставить улыбнуться удачу. И пусть способы будут не очень красивые, пусть даже придется немного замарать руки…

À la guerre comme à la guerre.

* * *

Утро выдалось солнечным, а ближе к полудню жарило уже и вовсе по-летнему. Ольге захотелось позагорать, сил уже не было ждать летних каникул, поездки к морю, по-настоящему ярких солнечных дней. Она вынесла из дома шезлонг, потом подумала – чего просто так валяться, принесла мольберт и краски. Но тут приехала Надя – в длинном сарафане с

красными маками, в шляпе с огромными полями, к которым был прикреплен такой же мак, и охапкой цветов, нет, не маков – желтых тюльпанов.

– Представляешь, Димка ужин вчера приготовил. Романтический, – не поздоровавшись, выпалила Надежда.

– Ну, и? – замерла Ольга.

– Ну, и в ресторане мы ужинали! – засмеялась Надя. – Пойдем.

Они прошли в дом, в гостиную. Ольга сменила тут шторы – голубые на желтые, – и настроение в комнате стало летним и праздничным.

– Хорошо у тебя, прям как в деревне! – Надежда оценивающе посмотрела на шторы, сняла шляпу и пристроила ее на диван. – Во что цветы ставить? Прям под новый интерьер тебе…

Ольга взяла у нее охапку тюльпанов, ушла на кухню. Еле пристроила цветы в вазу – они все никак не хотели пролезать в горлышко, упрямились и падали, и выскальзывали, уже пристроенные.

Когда она с цветами вернулась в гостиную, Надя сидела на диване и уплетала из коробки конфеты, которые принесла с собой. За щекой у нее было уже как минимум две, а она высвободила из блестящей обертки третью и отправила в рот к предыдущим. Ольга пристроила вазу с тюльпанами на стол и, отойдя на шаг, залюбовалась – хоть картину пиши.

– Надь, сварить тебе кофе?

– Да нет, опилась уже. А вот конфету еще можно.

Надя сунула за щеку очередную конфету, а обертку аккуратненько сложила треугольником и положила на край стола в стопку таких же золотистых треугольников.

– Ой, Надька, погубит тебя сладкое, – засмеялась Оля.

– Это мы еще посмотрим, кто кого! Пока что я их уничтожаю. – Взгляд Нади упал на сумку. – Ой! Слушай! Я и забыла… – Она быстро порылась в сумке, будто белка в дупле, и вытащила на свет глянцевую колоду карт. – Вот! Смотри, что у меня есть, вчера у метро купила.

Надя веером развернула карты, Ольга присела рядом с ней и увидела, что это не привычные короли-дамы-тузы, а какие-то загадочные картинки и символы.

– Что это?

– Исключительно замечательная вещь! Набор гадательный.

– Что? Какой набор? – захохотала Ольга.

– Говорю же, для гадания. Зря смеешься, тут в книжке описано, как гадать, как раскладывать. – Надежда откопала в сумке небольшую книжицу в черной обложке, послюнявив палец, полистала ее, прочитала бегло какие-то инструкции. – Давай разложим.

– Да ну тебя! – Ольга встала и поправила тюльпаны, все норовившие выскользнуть из вазы – то ли ваза была слишком низкая, то ли ножки у цветов больно длинные. – Дурында ты, Надька! Вечно с ерундой всякой носишься. То браслет для похудения, то чудодейственное средство для отбивания аппетита, то уж совсем черт знает что – гадание!

– Ладно, ладно… – Надя ловко разложила карты, сверяясь с руководством. – Можешь не верить, я тоже не верю, но ведь все равно интересно! На тебя раскладываю. Ну-ка, ну-ка, поглядим, что у нас такое получается… – Она заглянула в книжицу, пробежала глазами текст. – Вот, лодочка над лодочкой, птичка и облачко…

Надя вдруг захлопнула книжицу, и веснушки у нее как будто утратили яркость. Она хотела смахнуть со стола карты, но Ольга не дала, отстранила ее руку и выхватила черную книжицу, которую Надя не успела убрать.

– Ну и что ты там такое увидела?

– Да глупости все, ерунда…

Веснушки у Надежды снова обрели яркость, и даже большую, чем прежде. Ольга знала, Надя так краснеет, а краснеет она в одном случае – когда приходится врать «на пользу дела». Ольга сравнила комбинацию карт с написанным в руководстве.

– Удар. Несчастье с близким человеком. Женщина-враг, – вслух прочитала она. Сердце сжалось, потом понеслось галопом…

Несчастье с близким человеком?

Желтые шторы вдруг показались ей просто невыносимыми. Зачем она сменила на них голубые?

Надя вырвала у нее книжицу, зашвырнула куда-то в угол.

– Ну что ты хрень всякую читаешь? Ну ей-богу! Что ты, бабка старая или полоумная? – Она быстро сгребла со стола карты, сунула в сумку, а сумку зачем-то запихнула себе за спину. – Ну прям смешно!

– Да уж, обхохочешься… – Ольга попыталась улыбнуться.

– Сама же дурой меня называешь. И правильно, между прочим. Дура я, самая что ни на есть дура!

– В первый раз призналась. – Улыбка не выходила у Ольги, как она ни старалась.

– А чего же не признать, если правда!

– Ну… вообще-то ты и в самом деле… – Ольга повертела пальцем у виска, все еще надеясь придать случившемуся комичность. – Не очень умная ты, Надька.

– Чего? – весело встрепенулась Надежда. – Ты говори, да не заговаривайся!

Они прыснули вместе. Вот уж и правда дурочки – одна купила возле метро какую-то копеечную глупость, другая поверила выпавшим «птичкам» и «облачкам».

Отсмеявшись, Надежда глянула на часы, схватила сумку, шляпу и вскочила.

– Ой, мама моя родная! Бежать надо, я ж ненадолго из офиса смылась. Димка такой строгий, прям жуть! – Она чмокнула Ольгу, тут же стерла следы розовой помады с ее щеки и торопливо пошла к двери, на ходу договаривая: – Пока, подружка! Детей поцелуй. И Сереже своему привет передавай. Жаль, не увиделись.

– Передам. Он сегодня в Нижний Новгород улетает. – Ольга проводила Надежду до двери. – Машину лучше всего на повороте ловить.

– Да знаю я! Все. Меня нет. – И она упорхнула, мелькнув красными маками на подоле.

Ольга закрыла за ней дверь. Огляделась. Сердце сжала тоска – желтая, как эти шторы, и упрямая, как эти тюльпаны. Она отыскала под диваном черную книжицу и пошла с ней на кухню.

На помойке место этой тоске и этому… руководству.

Книжка жгла руку, и Ольга отбросила ее в мусорное ведро, словно ядовитого скорпиона. Следовало бы сжечь ее или порвать на мелкие кусочки, но у Ольги не осталось на это сил.

Выбросила. Забыла.

Глупости это все. Нужно Сереже рубашки перед командировкой погладить, Петьку накормить…

* * *

До вылета оставалось всего полтора часа, а Пескова все не было. Барышев выкурил еще сигарету, глянул в окно. Если тащиться по пробкам, они опоздают.

Ольга отчего-то сильно нервничала, сновала как тень, десять раз спросила, не забыл ли он паспорт и так ли уж важна эта поездка. Очень важна, заверил ее Сергей, но она все равно нервничала и в сотый, наверное, раз поправляла ему галстук, смахивала что-то невидимое с его пиджака и снова интересовалась – а билет не забыл?

Песков, наконец, приехал, и по его спокойному, уверенному тону Сергей понял – никуда они не опаздывают, просто он паникер.

– Ну что, едем? Добрый вечер, Ольга Михайловна, – улыбнулся Игорь.

Ольга ему кивнула без обычного радушия к гостям и вдруг вцепилась в рукав мужа.

– Сережа, я с тобой в аэропорт!

– Зачем? Поздно уже. Ты что, детей одних оставишь?

– Дети спят. – Голос у нее задрожал, и рука, вцепившаяся в пиджак, задрожала.

Барышеву стало вдруг неудобно, что свидетелем этой необъяснимой Ольгиной паники стал Песков. Он глазами ему показал – уйди, но Игорь не понял. Или сделал вид, что не понял.

– Что с тобой? – Наплевав на Пескова, Сергей поцеловал Ольгу в губы. – Ты на себя не похожа.

– Я не знаю… я чего-то боюсь…

Ольга отпустила его рукав, а Песков с бесцеремонной шутливостью сказал ей:

– Нечего бояться, Ольга Михайловна. Сергей в полной безопасности. Когда он со мной, можете не волноваться.

– Сережа!

– Оль, перестань. Я лечу на один день. И лету туда всего час. Ну вот, смотри. – Он достал из кармана ручку и быстро записал в блокноте, лежащем возле телефона, номер обратного рейса и время прилета. – Видишь? Пятнадцать тридцать. Значит, в пять я уже буду дома. Ну, не дури, не дури!

Он опять поцеловал ее, на этот раз – вскользь, торопливо. Игорь уже нервничал у входа.

Вдруг Сергей заметил букет желтых тюльпанов. Глаза его потемнели.

– Грозовский?

– Что ты, Сереж! Надя утром принесла. – Ольга заулыбалась. Его ревность ее всегда веселила.

– Значит, Грозовский… Я эти тюльпаны ему…

– Опаздываем! – не выдержал Песков.

Ольга захохотала, и Сергей ушел, довольный, что своей ревностью вывел жену из ступора. Правда, вот ревность была настоящая и грызла его порой нешуточно. Но он привык с ней как-то договариваться, чтобы не мешала жить.

А ночью Ольга обнаружила черную книжицу со страшными предсказаниями у Машки в кровати. Она просто зашла к ним проверить, не сползли ли с детей одеяла, крепко ли спят… а увидела эту мерзость, торчащую у дочери из-под подушки. Ольга тихо охнула, выдернула этого «скорпиона» и порвала тут же в мелкие клочья, в пыль, а потом сожгла эту пыль во дворе с веселым злорадством – все, нет больше этой дряни в ее доме, нет и не будет…

Она падала с тридцатого этажа и знала – сейчас последует страшный удар о землю, и все, конец.

Больно это или не больно?

Мимо пролетали дома, облака, горы, леса, реки и чьи-то лица, а удара все не было…

Больно или сразу конец?

Большое лицо Пескова стало парить рядом с ней. Ухмылка, а вместо зубов – бриллианты.

– Нечего бояться, Ольга Михайловна. Когда вы со мной, можете не волноваться…

Ольга вдруг поняла, что лучше грохнуться с тридцатого этажа оземь, чем вот так – парить рядом с этой бриллиантовой ухмылкой… Она сделала усилие, чтобы упасть, но ничего не получилось. Лицо его увеличивалось и увеличивалось, занимая собой все про-

странство, и Ольга догадалась – она не разобьется, она задохнется, потому что эта рожа не оставит вокруг ни капли воздуха, ни миллиметра свободного места.

– Пусти! – закричала она, но голоса не было.

Огромный лик раздулся до размеров Вселенной, приобретая черты бывшего мужа.

Дышать стало нечем.

Ольга проснулась, села в кровати и прижала руки к груди, пытаясь отдышаться и успокоиться. Сердце сбоило, как старый мотор.

Это всего лишь сон.

Всего лишь кошмар.

Она встала и подошла к окну. Ее кошмары тоже из прошлой жизни. В этой не может быть ничего страшного, будь тут хоть сто Песковых!

Словно стряхнув с себя ненужный и тяжкий груз, Ольга, наконец, успокоилась, легла в кровать и безмятежно проспала до утра.

Ей все-таки удалось в красках поймать зарождающееся лето.

Ольга сидела перед мольбертом, и светлое чувство удовлетворенности своей работой всецело завладело ею. Дом, цветы, деревья, ясное небо, блики солнца в бассейне…

– Мам, а папа скоро приедет?

Маша налетела на нее, прижалась, нечаянно толкнув под руку. Мазок пошел криво, и блик в бассейне получился странно изогнутым.

Ольга глянула на часы. Ничего себе! За работой она не заметила, как пролетело полдня. Она обняла Машу.

– Скоро. Он, наверное, уже прилетел. Через часик приедет. А Мишка где?

– Мишка кино про войну смотрит, а я не люблю про войну.

Следовало спасать Мишу от киношных перестрелок, а то он с утра, наверное, у телевизора сидит.

– Ну, иди, поиграй еще. – Ольга поцеловала Машу в затылок, собрала краски, мольберт и пошла в дом.

– Миш! – позвала Ольга из прихожей, пристраивая краски на столике у стены. – Миша!

Миша не отозвался. Ольга прошла в гостиную – сына возле включенного телевизора не было, только детали робота-конструктора, разбросанные на диване, и недоеденный кусок пирога указывали на то, что Мишка был здесь совсем недавно. Улыбнувшись, Ольга стряхнула с дивана крошки – наверное, фильм «про войну» закончился, и Мишка умчался в детскую, забыв про железное правило: убрать за собой игрушки и не бросать еду где попало…

– Миша! Это просто безобразие какое-то… – Ольга собрала детали конструктора и направилась в детскую, но споткнулась о пульт, который почему-то валялся на полу. – Ну, Мишка…

Она наклонилась, с трудом удерживая запчасти от робота, подняла пульт и попыталась красной кнопкой выключить телевизор, с экрана которого диктор слишком громко сообщал последние новости.

Кнопка отчего-то не нажималась и была скособочена – похоже, Мишка ее сломал, оттого и не выключил телевизор.

– Ну, Мишка…

Ольга попыталась пальцем подцепить кнопку и придать ей правильное положение.

– …И вот только что получено срочное сообщение от агентства «Интерфакс», – гремел голос диктора.

Проще было положить на диван запчасти от робота, выключить телевизор с панели, а пульт отнести мастеру, но Ольгой вдруг овладело упрямство – непременно справиться с кнопкой…

– …В Нижнем Новгороде потерпел катастрофу пассажирский авиалайнер, следовавший рейсом двести четырнадцать по маршруту Нижний Новгород – Москва, – бесстрастно сообщил диктор и замолчал, словно давая Ольге время осознать смысл сказанного…

Детали конструктора с грохотом посыпались на пол, словно останки человеческих тел…

– По предварительным данным, на борту находились сто двадцать человек…

Пульт тоже упал, но перед этим красная кнопка все же сработала, и экран погас.

Ольга закричала, схватила пульт, теперь уже пытаясь включить телевизор этой проклятой кнопкой…

Пальцы занемели, голова закружилась.

Это не может быть правдой… «Потерпел катастрофу пассажирский авиалайнер, следовавший рейсом»… Наверное, она неправильно поняла. Не расслышала…

Экран вспыхнул, диктор безжалостно повторил:

– Причины катастрофы авиалайнера, следовавшего рейсом двести четырнадцать, будет расследовать специальная комиссия. Подробности произошедшего смотрите в ближайших выпусках новостей…

Почти теряя сознание, Ольга ринулась в прихожую – там возле телефона лежал блокнот, в котором Сергей перед вылетом записал номер рейса. Оставалась зыбкая, маленькая надежда, что она неправильно запомнила три цифры…

Двести четырнадцать, пульсировал в голове голос диктора, двести четырнадцать…

И в блокноте Сережиной рукой было записано: «214».

Очертания предметов вокруг стали размытыми, тело сделалось ватным, а сознание вроде и не ушло совсем, но не подсказывало ни одной спасительной мысли – как дальше жить, что делать…

«Я умерла, – подумала Ольга, – разбилась на рейсе двести четырнадцать… Меня больше нет…»

Хватаясь за стену, она сползла на пол, смутно видя, как там, на полу в гостиной, горкой валяются запчасти конструктора – останки человеческих тел…

Миша… Маша… Петя… – словно во сне всплыли родные имена.

Она не может разбиться на рейсе двести четырнадцать. И не имеет права умереть.

Из последних сил Ольга дотянулась до сумки, лежавшей на столике, ухватившись за ремешок, стянула ее на пол, на ощупь отыскала мобильный.

– Надь… я не могу умереть, помоги… – прошептала она, не понимая толком, взяла ли Кудряшова трубку и слышит ли ее невнятные слова…

* * *

Надежда ворвалась в дом, словно шальная птица, и заметалась, делая какие-то важные и нужные дела, – уложила на диван Ольгу, накормила детей и отправила их гулять с Ниной Евгеньевной, наврав, что у Ольги «просто мигрень»; убрала страшные запчасти конструктора, что-то подмела, помыла, потом села на диван, затихла и всхлипнула, глядя на белую как мел подругу, пустым взглядом уставившуюся в потолок…

– Оль, я как новости по телевизору услышала, так сразу к тебе!

– Я тебе звонила… – одними губами беззвучно сказала Ольга.

Надя нахмурилась, озадаченно посмотрела на нее и ушла в коридор.

– Оль, так у тебя телефон разряжен! – крикнула оттуда она.

Ольга пожала плечами и закрыла глаза. Она слышала, как суетится Надежда, подключая к заряднику ее мобильный.

– Оль, ты понимаешь, что это значит? Сережа тебе звонит, а ты не берешь трубку!

Ольга кивнула и попыталась сесть.

Надька права – чтобы жить дальше, нужно думать, что Сережа звонит, а она не может ответить.

– Надь, ты не заряжай его, – попросила она. – Пусть так останется.

– Ты с ума сошла! – возмутилась Надежда, включая мобильный и просматривая пропущенные вызовы. – Ну, вот, я же говорила! Сережа живой! Он звонил пятнадцать минут назад!

Ольга ринулась к ней, выхватила телефон и… сразу обмякла, легла на ковер, уткнувшись в пушистый ворс.

– Это не его номер.

– А чей?

– Не знаю.

– А раз не знаешь, значит, его. Наверное, Сергей симку сменил…

– Надя! – Ольга привстала, почувствовав вдруг дикое раздражение и необходимость выплеснуть свое горе в крике. – Сергей не мог сменить номер, не сказав мне об этом! И потом… Он позвонил бы на домашний, Надя!

Никогда в жизни она так не кричала – отчаянно, почти срываясь на визг.

– Тихо, тихо… – Надя опустилась на колени, прижала ее к себе, чувствуя, как намокает платье от хлынувших градом Ольгиных слез. – Я когда пришла, ты ж без сознания лежала… – Надя тоже заплакала. Ей так хотелось поверить в то, что ее слова – правда. – Машка на улице играла, Мишка в детской был, а Нина Евгеньевна еще не пришла… Может, Сергей и звонил, Оль, вернее, точно звонил, только трубку никто не взял…

Протянув руку, Надя схватила со стола мобильник.

– А вот мы ему сейчас сами позвоним!

– Нет! Если он не ответит…

Но Надя уже отыскала в контактах Сергея и нажала вызов.

«Абонент вне зоны действия сети», – сообщил вежливый женский голос, и Ольга взвыла от безысходности и растворившейся последней надежды.

– Да живой он, живой! – запричитала Надежда, обнимая ее и ложась рядом с ней на ковер. – Сердцем чувствую, что живой!

– Знаю, что живой, только самолет-то разбился, – рыдала Ольга.

– Может, телевизор включить?

– Нет! Там… список жертв…

– Вот и увидим, что Сережи среди них нет.

– Нет! Нет… пожалуйста, не надо…

А когда ковер в гостиной уже промок от их слез, Ольгин мобильный вдруг зазвонил.

– Это Сережа! – завопила Надежда, взглянув на дисплей.

Ольга отшатнулась от протянутой трубки. Сейчас суровый голос какого-нибудь эмчеэсовца сообщит, что…

– Оль, ты чего, телефон бы тоже разбился! – прочитала ее мысли Надежда и не смогла больше терпеть Ольгину нерешительность, сама ответила: – Слушаю! Нет, это не Оля, это Надя. А она тут рядом… плачет… Сереж, ну какой ты молодец, что опоздал! Гений просто! Оль, ты не представляешь, у него тоже телефон сел, он звонил с мобильника своего зама! И домой тоже звонил!

Убедившись, что это не эмчеэсовец, Ольга выхватила у Нади телефон.

Что ей говорил Барышев, она не слышала, да это было и неважно. Главное – он бы не мог говорить, если бы был в том самолете…

– Оль! А я с ним на «ты»! – потрясла ее за руку Надя.

– С кем?

– Да с Серегой!

Они захохотали, обнялись и, не удержавшись в неустойчивой позе, повалились на пол, где еще пять минут назад рыдали от горя.

– Надь, я сразу поняла, ну не мог Сережа разбиться! – Ольга плакала и смеялась одновременно. – Понимаешь, с ним этот был… ну, самый-самый первый зам. А такие не разбиваются.

Надя озабоченно посмотрела на Ольгу, словно решая, влить в нее еще одну порцию успокоительного или не стоит.

– Понимаешь, у зама этого на мизинце кольцо с бриллиантом, а такие не разбиваются, ну, с кольцами-то!

– Это да, – согласилась Надежда. – Научный факт…

Володя притормозил недалеко от здания аэропорта.

– Все, дальше нельзя, Ольга Михайловна.

Она выскользнула из машины и побежала… Надя еле успела догнать ее.

– Да не беги ты как сумасшедшая! Мало я тебя валерьянкой поила! Надо было снотворное дать!

Самолет прибыл вовремя.

Другой рейс, другой борт, хоть и тот же маршрут: Нижний Новгород – Москва.

– Сережа!

Она кинулась к нему раньше, чем увидела, – по напряжению в воздухе поняла: он рядом.

Барышев сграбастал ее и зацеловал – родной, огромный, живой.

– Ну, все, все! Успокойся! Все хорошо. – Он гладил ее по голове широкой ладонью, и его рука немного дрожала. – Все хорошо.

– Сережа, Сережа, Сережа. – Ольга вцепилась в лацканы его пиджака и снова смеялась, и плакала, и трясла его, Барышева, чтобы убедиться, что это он, что он прилетел, и сграбастал ее, и гладит по голове, и держит ее лицо, и целует губы, глаза, нос, уши, волосы…

Надя не смогла на это смотреть. Всхлипнула, отвернулась и украдкой вытерла слезы ярко-красным шарфом-палантином. Подошел Песков, протянул ей клетчатый свежий платок. Надежда и этим платком утерлась – слез на все хватило.

– Спасибо.

Песков с улыбкой смотрел на нее, будто ждал чего-то большего, чем «спасибо».

– Прям чуть с ума не сошли, – сказала Надя, когда Ольга и Барышев перестали щупать друг друга и целоваться. – Не знаю, как ночь пережили… Поначалу вообще!.. Вспомнить страшно! Да и после, уж как Сергей Леонидыч позвонил… Я ей говорю, ну живой же, живой! А она все колотится!

– Все хорошо, что хорошо кончается, – сказал Песков, и Ольга сразу простила ему все – и кольцо это дурацкое, и фальшь в глазах, и даже ночной кошмар.

Пиджак у Сергея был мокрый от Ольгиных слез, и рубашка мокрая, даже галстук мокрый и, наверное, соленый. Сергей не выпускал ее из объятий, а она очень боялась от него оторваться – вдруг проснется? Вдруг окажется на мокром от слез ковре в гостиной и нужно,

нужно будет включить телевизор и посмотреть списки погибших. Другими словами, узнать «подробности катастрофы»…

– Ты не представляешь, Сережа, не представляешь, – жарко шептала она ему в подмышку. – Я думала, у меня сердце разорвется… В глазах почернело, ног не чувствую… А в голове только одно: «Ну вот и все! Ну вот и все!»

– Оль, ну хватит реветь, – подергала ее за рукав Надежда. – Вроде все живы-здоровы, чего голосить-то? Ну хоть вы ей скажите, – обратилась она к Пескову. – А то я прям смотреть на это не могу.

– Ольга Михайловна… – Голос у первого зама стал бархатный.

Барышев, взяв жену за плечи, осторожно оторвал ее от своей подмышки, поцеловал в нос.

– Оль, вот ты кому должна спасибо сказать. Игорю! Из-за него мы опоздали на самолет. Я даже наорал на него.

– Я бы назвал это иначе, – усмехнулся Песков. – Он меня чуть не убил.

– Сережа! – Ольга улыбнулась, представив, как он «убивает» Пескова. Наверное, Барышев просто ткнул пальцем в свои часы и чуть громче обычного сказал: «Игорь, мы же опаздываем!» А тот невозмутимо ответил: «Не паникуй! Успеем…»

Господи, кого и как благодарить за то, что Песков такой невозмутимый и нерасторопный – всегда и везде немного опаздывает.

Ольга взяла его за руку и пожала.

– Спасибо. Спасибо вам, Игорь! – никогда еще слово «спасибо» она не произносила так горячо и проникновенно.

Он накрыл ее руку своей – теплой, немного влажной и слишком мягкой для мужской руки, – слегка похлопал, небрежно и успокаивающе.

– Если честно, Ольга Михайловна, этот подвиг мне дался без особого труда. Всего-навсего опоздал в гостиницу на пятнадцать минут!

– Спасибо… – Ольга высвободила руку и спрятала за спину, украдкой вытирая ладонь о шелк юбки.

Он не может быть ей неприятен. Если бы не он…

Только кожу все равно жгло его недавнее прикосновение, и руку хотелось помыть…

Чтобы избавиться от наваждения, Ольга взяла Сергея за локоть, вцепилась обеими руками – она всегда так делала, когда спускалась по лестнице на высоких шпильках.

– А ведь в самом деле, если бы не ты… – Барышев внимательно посмотрел на Пескова, словно только что до него дошло, чем обернулась бы пунктуальность зама. – Я теперь твой должник.

– Беру обязательство впредь никуда и никогда не являться вовремя! – вытянувшись в струнку, отрапортовал Песков.

Все засмеялись, и напряжение тяжелого дня рассеялось в этом совместном смехе.

– Может, все-таки домой? – Барышев привычно взглянул на часы, но тут же осекся, поймав настороженный взгляд Ольги, мол, опять куда-то торопишься? – К нам домой, – поспешно добавил Сергей, пряча часы под рукавом. – Посидим… Нина Евгеньевна наверняка что-нибудь вкусное приготовила.

– Спасибо, но… – Игорь тоже взглянул на часы.

– Никаких «но». – Надежда требовательно взяла Пескова за руку и повела к выходу.

Барышев, обняв Ольгу, пошел вслед за ними, прикидывая, сколько времени может позволить себе на застолье.

Сегодня он вытянул лотерейный билет. Ему повезло, что он не погиб. Повезло, что может обнимать Ольгу, видеть детей, дышать, смеяться, есть пироги… Только жизнь по-прежнему диктовала жесткие правила, жить без которых он не мог, не умел, да и не любил.

Он кое-как от нее отвязался.

Тихое бешенство распирало Пескова, но он вынужден был улыбаться рыжей простушке и даже говорить комплименты.

– Жаль, но не могу – у меня важная встреча…

Они подошли к его машине, и Песков, показывая, что разговор закончен, поцеловал Надежде руку, легко и непринужденно прикоснувшись губами к немного шершавой коже.

– Ну, вот, посидели бы… Отметили чудесное спасение…

– Вы так и не сказали, как вас зовут, – натянуто улыбнулся он.

– Надежда, – с готовностью представилась рыжеволосая и кокетливо помахала перед его носом красным шарфом-палантином, обдав ароматом слишком терпких духов.

– Потрясающее имя и звучит актуально. Особенно сегодня. – Песков откланялся и сел за руль, кивнув на прощание Барышеву и Ольге.

Надя махнула ему палантином и пошла к машине Сергея. Игорь с облегчением посмотрел ей в спину, усмехнувшись покачивающимся бедрам и слишком яркой заколке в непокорной гриве волос…

Он уже тронул машину с места и даже успел прикурить, когда Надежда вдруг закричала «Стойте!» и побежала к нему. Кляня все на свете, Песков нажал на тормоз и, натянув на лицо улыбку, приоткрыл окно.

– Что-то забыли? – спросил он.

– Вот! – Надя достала из недр глубокого декольте клетчатый платок, который он вручил ей в аэропорту, чтобы утирать слезы. – Чуть было не унесла! А то давайте я его постираю. – Надя хотела спрятать платок обратно, но Игорь перехватил его.

– Да что вы! Может быть, я его теперь хранить буду! Он же со следами слез… Это очень романтично.

– Ой, скажете тоже, – смутилась она.

«Да проваливай ты», – думал Песков, чувствуя, что не в силах уже улыбаться и вот-вот ляпнет какую-нибудь грубость.

– До свидания, – сказала Надя.

– Прощайте, – буркнул Игорь.

Он еще курил какое-то время, глядя, как Надежда садится в машину Барышева, как «Мерседес» отъезжает с парковки, мигнув фарами ему на прощание.

– Напьюсь, – со злостью вслух сказал Игорь. – Напьюсь до беспамятства…

Он с пробуксовкой рванул с места и с омерзением выбросил в окно платок – отвратительно влажный от слез этой рыжей курицы.

Ну почему педант Барышев не улетел без него?

Сейчас бы все проблемы были уже решены. Оставалось бы только признать себя победителем…

Желание напиться стало таким осязаемым, что Песков почувствовал першение в горле и дрожь в руках. Только алкоголь поможет снять напряжение и унять боль, поселившуюся где-то в районе шейных позвонков в тот момент, когда Игорь узнал, что самолет, на который он опоздал – он, а не педант Барышев! – разбился.

Он спас шефу жизнь, и от этого болела шея… Даже собственная спасенная жизнь не унимала эту нудную боль.

Песков достал телефон, дрожащими пальцами набрал номер.

– Андрюх, а давай через полчаса на нашем месте! Я угощаю…

* * *

Песков был пьян и поэтому откровенен.

Пожалуй, слишком пьян и чересчур откровенен.

Как бы потом об этом не пожалеть…

Но слишком уж тяжко таскать с собой постоянно такой груз, как ненависть. Нужно иногда открывать клапан и выпускать пар.

– …самое забавное, что я спас ему жизнь. До сих пор не могу поверить… А ведь я его просто ненавижу! – покаялся он Андрюхе.

Они сидели в уютном ресторанчике и приговаривали уже вторую бутылку виски. Андрюха не то чтобы был закадычным другом, просто лицо незаинтересованное, а значит, вполне доверенное.

– Что ты на меня так смотришь? – Игорю показалось, что у Андрея в глазах промелькнула насмешка. – Простое, ясное чувство, чувство ненависти. Оно тебе незнакомо?

– Знакомо, знакомо, – покивал Андрюха и даже, изобразив сочувствие, плеснул виски, Игорю и себе. – Только я не очень понимаю, с чего ты так на него вызверился?

Следовало остановиться, закрыть этот чертов клапан, но виски сделал свое дело.

– Он первый! – Игорь одним глотком выпил содержимое рюмки, не почувствовав градуса. – Понимаешь, первый! Вот бежишь, бежишь, уже финишную ленточку видишь. Вот она! Сейчас оркестр сыграет туш, и ты взлетишь на пьедестал под гром аплодисментов… А подбегаешь к нему, к пьедесталу, а он занят!

Песков вдруг отчетливо увидел этот самый пьедестал, а на нем Барышев – высоченный, уверенный, сильный. И медаль у него на груди.

– На нем уже стоит по-бе-ди-тель! И все его преимущество только в одном – он вовремя родился! Он не умнее, у меня в заднице больше мозгов, чем у него в голове! Он не быстрее бегает! Он просто раньше побежал!

Клапан сорвало.

Песков перешел на крик. Но в этом ресторанчике их все хорошо знали, поэтому можно было и побуянить. Игорь швырнул рюмку на пол, но она отчего-то не разбилась, покатилась к стене.

– В этой стране нужно было родиться либо в позапрошлом веке и в нем же помереть, либо на десять лет раньше, чем мы с тобой. Только и всего, – закончил он свою мысль.

Убогонькая, конечно, была мыслишка, он это понимал даже пьяный – для неудачников всегда время плохое. И Андрюха понимал, потому что усмехнулся.

– В таком случае все претензии к родителям.

– И к ним тоже. – Хватаясь за стол, чтобы не упасть, Песков наклонился, поднял рюмку, подул в нее, но подошел официант и заботливо все заменил – и грязные тарелки, и рюмку, и даже наполнил ее, льняной салфеткой перехватив бутылку.

Сервис, мать твою…

– А давай выпьем! – Игорь высоко, словно вымпел, взметнул рюмку над головой. – За наше несчастное поколение!

Андрюха его поддержал, они махнули по маленькой, потом еще, закусили ерундой какой-то – оливками, зеленым салатом, креветками.

– А знаешь, я согласен с тобой. В основном все свои дела устроили в то время, когда мы с тобой в институте на лекциях штаны просиживали. Большой пирог на части рвали. А нам осталось только крошки подъедать.

Песков взглянул на него подозрительно – притворяется Андрюха, что не понимает убогости мыслишки, или правда так думает?

– Смирись, – подмигнул тот.

– Да ни за что, – усмехнулся Песков. Пусть не думает бывший однокурсник, что он баран, которого обстоятельства загоняют в стойло, или куда там загоняют баранов… – Ни за что!

– А выход?

– Выход всегда есть.

Андрей смотрел на него вопросительно и, кажется, недоверчиво. Что, думает, он, Песков, лапки кверху поднимет? Не сможет сорвать медаль с победителя?

Игорь расхохотался.

Потом наклонился к Андрюхе и, чтобы смахнуть с его лица недоверчивость, вполголоса сказал:

– Я втравил «Стройком» в небольшую гонку. И если он проиграет, я получу приз.

– Кто тебе его даст?

Опять недоверие…

– Тот, кто выиграет. – Песков еще ниже пригнулся и еще тише сказал: – «Стройком» должен проиграть «Авгуру». «Авгур» получит фантастически выгодный заказ, и я тогда стану там полноправным партнером, понимаешь? Не первым замом, не правой рукой, не мальчиком на побегушках, а партнером!

Здравый смысл где-то на задворках подсознания нашептывал ему, что не надо всего этого говорить, не надо по пьяни выдавать свои грандиозные планы кому бы то ни было – хоть маме родной, – но не хотел Песков выглядеть перед Андрюхой слабаком, который все свои неудачи списывает на «не то время».

Время всегда не то.

– Круто, – вроде как одобрил Андрей, но опять с уничижающим недоверием поинтересовался: – А этот «Авгур»… Он точно выиграет?

– Над этим сейчас я и работаю.

Вот так. Ничего конкретного, но понятно – «Авгур» в любом случае выиграет, если за дело взялся Песков.

Андрюха поскучнел, заказал зачем-то коньяк и, словно только для того, чтобы поддержать разговор, спросил:

– С курса кого-нибудь видел?

– Последние пару лет – никого. Только Женьку Кошелева. И лучше бы не видел. Денег он у меня занял, и с концами.

– Не отдал?

– И не отдаст.

Они еще какое-то время пили, не чокаясь и не глядя друг на друга.

– Говорят, он в Югославии воевал и там к дури пристрастился, – сказал Андрей.

Дался ему этот Кошелев!

– Он всегда идиотом был.

Ага, ясно, чего он за Женьку так уцепился, пьяно подумал Песков. Про Женьку ему говорить приятнее, он не хозяин жизни. С ним, с Песковым, Андрюха чувствовал себя второсортным, а вот по сравнению с Кошелевым, который занимает и не отдает деньги…

– Понимаешь, Барышев для меня основная проблема, – перевел Игорь разговор в то русло, где чувствовал себя «на коне». – И ведь только что она могла бы решиться. Сели бы мы в тот самолет…

– Но это более радикально, чем надо, тебе не кажется? – осторожно уточнил Андрей.

– Черт… Да, я бы тоже летел тем самолетом. Но вообще, – Игорь сделал вид, что эта мысль пришла ему в голову только что, нормальная мужская мысль победителя. – Вообще этот способ решения неплохой… очень неплохой. Лучше еще никто не изобрел.

Песков резко встал, бросил на стол деньги – много, гораздо больше, чем стоил ужин на двоих, – и ушел.

Андрей смотрел ему вслед – на его прямые плечи, на шаткую походку, стриженый затылок…

«Клоун, – подумал он. – Клоун ты, а никакой не победитель. Впрочем, такие вот клоуны на все и способны…»

Андрей отсчитал лишние деньги и сунул себе в карман.

* * *

Из динамиков гремела песня о неземной любви.

Надя не выходила из ванной уже час и двенадцать минут.

Дима раз десять соскучился, а потом разозлился.

Что можно делать в ванной час и… уже четырнадцать минут? Если мыться всерьез все это время, то… как бы чего не вышло.

Он налил себе кофе, прошел в коридор и прислушался к звукам в ванной. Из-за песни о неземной любви ничего не было слышно. Выключить песню Дима не решился, потому что это был тот консенсус, к которому они пришли на своем первом семейном совете, – котята со стены в гостиной перекочевывают в санузел, но в обмен на это Надежда имеет право три раза в день слушать диск певицы Светы.

Кто такая Света, Грозовский не знал, но от ее песен его передергивало. Он даже подумывал, не вернуть ли котят…

Вот и сейчас Света уже в третий раз поет про любовь, и Диму снова передернуло.

– Ты когда-нибудь выйдешь?! – пытаясь перекричать музыку, проорал Грозовский.

Ответом ему было только: «А я люблю, я люблю каждою весною, летом и зимою, я люблю, я люблю просто рядом быть, рядом быть с тобою»…

– Ты меня слышишь?! – Дима пустил петуха и закашлялся.

Дверь приоткрылась, показалась рыжая копна Надькиных волос и ее голые плечи.

– Димочка, ну перестань кричать! – Она дунула на непокорные мокрые кудри, закрывавшие ей глаза. – Я сейчас! Господи! Уж и помыться толком нельзя…

Дверь захлопнулась.

Дима легонько постучался головой о косяк. Одуреть можно.

Ну хотя бы жива, и то ладно.

Он измерил шагами гостиную, потом коридор, выпил еще кофе. Через сорок минут начинался прием в голландском посольстве. Он-то давно был при параде, а вот Надя…

– Долго тебя еще ждать?! – завопил он из кухни без всякой надежды, что она его услышит.

Она возникла в дверях, закутанная в куцее полотенце, которое никак не желало прикрывать ее выдающиеся формы. На грудь натянет – бедра наружу лезут, бедра прикроет – грудь на Грозовского нагло пялится.

– Димочка, а ты покушал?

Она уставилась на него, будто не понимая, что лучше уж не натягивать на себя эту махровую тряпочку, не дразнить. От того, что нет никакой возможности прямо сейчас затащить Надьку в постель, Грозовский почувствовал дикое раздражение.

– Сколько раз я тебе говорил, кушать – это лакейское слово! Я не «кушаю»! Я – ем! Ясно?! А по утрам я и этого не делаю!

– Да ясно, ясно! Димочка, что ты нервничаешь, ей-богу?! – Она уронила полотенце и наклонилась, чтобы поднять его. От этого Грозовскому сделалось совсем нехорошо.

– Почему ты все еще в таком виде?! Я тебя ждать больше не намерен!

– Все, все, все. – Надя занавесила полотенцем грудь и повернулась попой.

Скрылась, наконец, фея… Но тут же появилась снова – с прикрытой попой, но голой грудью.

– А ты все-таки покушай, Димочка. А то вредно с утра до вечера не кушать.

– Тьфу!

Ушла все-таки, оставив мокрые следы на полу. Все Венеры отдыхают. А Боттичелли кусает локти в гробу. Вернее, переворачивается… Грозовский перевесил котят в гостиную и выключил музыку. Открыл холодильник и съел котлету – время убить.

Надежда не появлялась.

Он выскочил в коридор, заколотил в дверь ванной.

– Я тебе последний раз говорю, если ты сию минуту оттуда не выйдешь, я уеду один! Я опаздываю, ты это понимаешь?!

Дверь открылась. Надя стояла перед ним по-прежнему голая, мокрая и невозмутимая. Хорошо, хоть полотенце перестала мучить.

– Димочка, ну не могу ж я голая выскочить! Одеться-то дай!

Дверь захлопнулась.

Грозовский взвыл, пнул Хотея в его волшебный живот и зло сообщил:

– Я уехал!

Дима вышел из квартиры, громко захлопнув дверь. Прижался спиной к стене, слушая удары своего сердца.

Не прошло и пары секунд, как вылетела наспех одетая Надя. Волосы небрежным пучком собраны на затылке, из макияжа только розовая помада, платье совсем не «посольское», с какими-то рюшами, зато туфли – отпад. Грозовский их сам выбирал.

– Димочка, – запричитала она, не заметив его, – ну куда же ты, Димочка?!

Надя ринулась вниз по лестнице, но он поймал ее за руку.

– Стой!

– Димочка! Я так и знала, что ты пошутил…

– Секса нет, личной жизни нет, – проворчал Дима, запирая дверь на ключ. – Одни голландцы.

– А чем секс от личной жизни отличается, Димочка?

– Я тебе потом объясню…

* * *

Ольга весь день ходила за Барышевым как привязанная. Он в кабинет, она в кабинет, он в гостиную, она в гостиную, он на кухню, она…

– Оль, да не денусь я уже никуда. Мне туда нужно, – он глазами выразительно показал на дверь ванной.

Она просидела на полу под дверью, как верная собачка, пока он не вышел.

– Оль, – Сергей поднял ее с пола, зацеловал лицо. – Ну не надо так…

Но по-другому она не могла.

Ночью она опять задыхалась, но не от кошмаров, а оттого, что ей было мало Сергея. Задыхалась от нежности и любви…

Впрочем, он тоже ходил за ней как привязанный. Ровно до того времени, как понадобилось ехать в «Стройком».

На завтрак Ольга приготовила омлет. Потом забыла и опять приготовила, не заметив прежний. С ума, в общем, сошла от любви.

Когда Сергей допивал кофе после двух омлетов, она снова не удержалась, и глаза наполнились слезами.

– Раньше я думала, что самое страшное в моей жизни уже было… До того сообщения в новостях я так думала.

– Забудь об этом. Нельзя же так себя терзать. – Сергей взял ее руку, прижал к щеке.

– Я постараюсь. Но думаю, что не смогу. Я, наверное, слишком сильно тебя люблю.

– Это не так уж плохо. Во всяком случае, мне так кажется.

Они встали, все-таки нужно же было как-то отрываться друг от друга и начинать жить привычной жизнью – ходить на работу, вести хозяйство.

– А вдруг ты мне снишься? – в сотый раз высказала Ольга свои опасения.

Он подумал немного и ущипнул себя за щеку, словно проверив свое тело на призрачность.

– Не думаю. Я для этого чересчур материален. Разве ты не чувствуешь?

Он положил ее руку себе на грудь. Под Ольгиной ладонью уверенно и сильно билось барышевское сердце.

– Все равно мне кажется, что все это сон.

– Надеюсь, не кошмар?

– Нет, сон чудесный, и я очень боюсь проснуться…

– Я постараюсь, очень постараюсь тебя не будить. Я буду беречь твой сон…

С лестницы вихрем слетели дети, колотя друг друга портфелями.

– Мам, мам! – Маша требовательно тряхнула Ольгу за подол. – А Петька точно наш?

– Что? – не поняла Ольга.

– Ну, ты уверена, что это наш ребенок? – серьезно спросил Миша.

– Абсолютно. – Ольга расхохоталась. Вот такого уж точно не бывает во сне!

– А почему ты уверена?

– Потому что это я его родила, а такое событие трудно забыть!

– Мам, ну ты же сама говорила, что там, откуда детей забирают, их много-много. Как ты узнала, который наш?

Сергей схватил Мишку за плечи, придвинул к себе и, присев, серьезно спросил:

– А почему вы решили, что Петька не наш?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.